

В. Л. БУРЦЕВЪ

Преступленія и наказаніе большеви́ковъ

(По поводу 20-лѣтняго юбилея предателей и убійць)

*Бѣденъ нашъ языкъ, — не избрѣлъ
соотвѣствующихъ словъ для квалификаціи
преступности право-троцкистскихъ голо-
воръзовъ!*

(«Извѣстія»).

* * *

*Участники московскихъ процессовъ во
всякомъ случаѣ получили по заслугамъ...*

Парижъ

В. Л. БУРЦЕВЪ

Преступленія и наказаніе большевиговъ

(По поводу 20-лѣтняго юбилея предателей и убійць)

*Бѣденъ нашъ языкъ, — не избрѣлъ
соотвѣтствующихъ словъ для квалификаціи
преступности право-троцкистскихъ голо-
воръзовъ!*

(«Извѣстія»).

* * *

*Участники московскихъ процессовъ во
всякомъ случаѣ получили по заслугамъ...*

Парижъ

О томъ же и о тѣхъ же — черезъ 20 лѣтъ

Наши статьи о большевикахъ, написанныя въ 1917-18 г. г. и перепечатанныя въ настоящей брошюрѣ, не требуютъ никакихъ комментарій. Въ настоящее время мы могли бы, конечно, многое добавить къ нимъ изъ того, что мы узнали о большевикахъ за послѣднія 20 лѣтъ, но убавить изъ нихъ намъ нечего.

Среди перечисленныхъ именъ наиболѣе отвѣтственныхъ изъ тогдашнихъ большевиковъ нами не было указано имя Сталина и имена еще нѣкоторыхъ другихъ большевиковъ, кто въ то время не игралъ въ движеніи показной роли. Но зато въ послѣдующіе годы мы, въ «Общемъ Дѣлѣ» много удѣляли мѣста и самому Сталину, и другимъ большевикамъ, кто вмѣстѣ съ нимъ сталъ играть отвѣтственную роль въ событіяхъ тѣхъ лѣтъ.

Нѣкоторые изъ этихъ большевиковъ, кого мы клеймили лѣтъ 20 тому назадъ, какъ предателей и убійцъ, недавно фигурировали на московскихъ процессахъ. Правда, надъ ними никакого суда не было. Съ ними была произведена только малютинская расправа, подобно той, какую они сами производили надъ десятками тысячъ своихъ политическихъ противниковъ.

Ихъ сначала пытали въ застѣнкахъ ГПУ, а затѣмъ на про-

цессѣ топтали въ грязь и заставляли самихъ клеветать на себя.

Историческая Немезида карала ихъ за то, что они дѣлали въ 1917-18 г. г. и позднѣе.

Но нельзя безоговорочно принять многое, что во время процесса говорилось про нихъ и въ чемъ они сами сознавались.

Невѣроятно, чтобы они были иностранными шпионами изъ-за денегъ. Но они, несомнѣнно, всегда были двурушниками и предателями — и до революціи, и въ 1917 г., и позднѣе, когда боролись за власть со Сталинымъ во имя большевизма.

На судѣ прокуроръ Вышинскій, имѣвшій, очевидно, точныя данныя для обвиненія Бухарина въ сношеніяхъ съ нѣмцами до войны, задалъ ему вопросъ: — не былъ ли онъ нѣмецкимъ агентомъ въ 1913 г? Бухаринъ отвѣтилъ: нѣтъ! Но этого вопроса Вышинскій не хотѣлъ углублять при дальнѣйшемъ допросѣ Бухарина. Не сдѣлалъ онъ этого, очевидно, потому, что ему тогда пришлось бы поставить вопросъ, не были ли такими же агентами, имѣвшими дѣло съ нѣмцами, Ленинъ, Парвусъ, Раковскій, Ганецкій и другіе тогдашніе отвѣтственные большевики?

Ленинъ и его товарищи, конечно, не были обыкновенными платными нѣмецкими агентами, получавшими деньги за свои услуги нѣмцамъ. Но они поддерживали съ нѣмцами связи и пользовались ихъ услугами даже и во время войны, когда тѣ вели ее противъ Россіи.

Нѣмцы, конечно, прекрасно понимали, что большевики, ведя съ ними сношенія, преслѣдуютъ только свои партійныя большевицскія цѣли. Но это имъ вовсе не мѣшало пользоваться большевиками для своихъ цѣлей, какъ своими агентами.

Такимъ образомъ, съ той и другой стороны былъ проявленъ одинаковый цинизмъ.

Московскіе процессы произвели огромное впечатлѣніе во всемъ мірѣ. Главнымъ ихъ организаторомъ всѣ признаютъ Сталина и только не могутъ объяснить, почему онъ устраиваетъ такіе суды и почему онъ совершаетъ надъ своими товарищами и виднѣйшими большевиками такія звѣрства.

Но мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать въ защиту Сталина, что въ бывшихъ троцкицско-зиновьевско-бухаринскихъ процессахъ онъ не проявилъ никакого особеннаго звѣрства, какаго бы всѣ большевики, въ томъ числѣ и сами нынѣ казненные Зиновьевъ, Бухаринъ, Пятаковъ, не дѣлали раньше — все время послѣ 1917 г. со своими политическими врагами — небольшевиками: съ націоналистами, съ с.-р. (на ихъ процессѣ 1922 г.) или шахтинцами (на процессѣ 1828 г.) Да и въ настоящее время, когда въ Москвѣ Сталинъ истребляетъ большевиковъ, онъ продолжаетъ убивать десятки тысячъ небольшевиковъ въ условіяхъ гораздо болѣе страшныхъ, чѣмъ это дѣлалось на московскихъ процессахъ. Сотни тысячъ своихъ политическихъ противниковъ онъ продолжаетъ держать въ ужасающихъ условіяхъ въ разныхъ концентраціонныхъ лагеряхъ.

Сталинъ и теперь остается тѣмъ же, какимъ онъ былъ и раньше, какими всегда были Зиновьевъ, Ягода, Троцкій и Ленинъ.

Участники московскихъ процессовъ во всякомъ случаѣ получили по заслугамъ. Среди нихъ были такіе преступники, какъ Зиновьевъ и Ягода, а ихъ товарищи по скамьѣ подсудимыхъ, въ сущности, ничѣмъ не отличались отъ нихъ. Въ скоромъ будущемъ, можно полагать, къ нимъ присоединится такой же историческій преступникъ, какъ кровавый Крыленко.

Отъ нихъ ничѣмъ не отличаются и большевики, въ данное время находящіеся на волѣ, какъ самъ Сталинъ и Ежовъ.

Такими же преступниками были и тѣ большевики, кто избѣжали суда и казни, какъ Ленинъ и Дзержинскій за смертью, или какъ Троцкій, раньше выпущенный Сталинымъ за границу, кто навсегда останется для насъ палачомъ.

При характеристикѣ казенныхъ по сталинскимъ судамъ иногда совершенно напрасно выдѣляютъ, какъ яко бы менѣ виновныхъ, Каменева, Пятакова, Рыкова, Крестинскаго, Раковского. Они сами лично, быть можетъ, и не палачествовали, но всѣ они всегда были вдохновителями, помощниками и руководителями такихъ палачей, какъ Ягода. Они всѣ всегда были предателями и палачами. Всѣ они однимъ міромъ мазаны и всегда дѣлали одно и то же дѣло, какое теперь дѣлаетъ Сталинъ.

Первые годы своего торжества большевики дѣйствовали болѣе или менѣ солидарно. Они помнили совѣтъ Ленина не вести междоусобной борьбы, чтобы этимъ не воспользовались ихъ враги. Даже позднѣе, во время своей борьбы изъ-за власти съ Троцкимъ Сталинъ не рѣшился расправиться съ нимъ такъ, какъ это онъ дѣлаетъ въ настоящее время съ своими нынѣшними противниками. Онъ Троцкаго только выслалъ сначала въ Сибирь, а потомъ за границу.

Если же въ настоящее время Сталинъ рѣшился расправиться съ бывшими своими товарищами и казнилъ ихъ, такъ, конечно, потому что онъ видитъ, что теперь наступаютъ другія времена. Онъ чувствуетъ, что въ борьбѣ съ Ягодами онъ найдетъ оправданіе и сочувствіе у изстрадавшихся народныхъ массъ.

Въ Россіи, дѣйствительно, несомнѣнно, съ искренней без-

граничной радостью встрѣчали извѣстія о казняхъ большевиковъ, совершавшихся въ Москвѣ. Всѣ радовались, что наконецъ-то казнены эти палачи, и были счастливы, что могутъ открыто, на площадяхъ и на собраніяхъ, кричать анафему казненнымъ, о которыхъ они до сихъ поръ принуждены были молчать. Эту анафему они въ то же самое время, безъ сомнѣнія, относятъ и къ тѣмъ, о которыхъ имъ приходится и теперь молчать.

Народныя массы въ Россіи проявятъ такую же радость и впредь при извѣстіяхъ о новыхъ казняхъ надъ другими большевиками, находящимися у власти въ настоящее время, когда до нихъ дойдетъ очередь дать отчетъ за совершенныя ими преступленія.

Апрѣль 1938 г.

Большевики прежде всего — предатели Россіи

25 октября (7 ноября) 1937г. большевики еще раз праздновали годовщину своего захвата власти въ 1917 г.

Въ этотъ юбилейный день, какъ и раньше, они въ своей монополевой прессѣ славословили октябрьскій переворотъ. Но если у нихъ въ СССР, гдѣ, казалось, и камни должны вопіять противъ нихъ, не могло раздаваться никакихъ протестовъ противъ всей лжи, какую они наговорили, то, конечно, и тамъ оффиціальныи торжественный тонъ на юбилейныхъ празднествахъ не могъ никого убѣдить въ прелестяхъ ихъ октябрьскаго переворота. Зато за границей свободная пресса, какъ русская, такъ и иностранная, снова по достоинству оцѣнили октябрьскій переворотъ и воздала должное Ленину съ его товарищами, какъ предателямъ Россіи.

Въ 1917 г. большевики не впервые предавали Россію. Въ основѣ ихъ дѣятельности всегда лежало предательство Россіи. Безъ него они никогда бы не совершили и своего переворота 1917 г.

Предавать Россію большевики начали еще за гра-

ницей — до войны. Предать ее они продолжали и во время войны — сначала за границей, а потомъ въ Петроградѣ послѣ революціи. Предателями Россіи они были (и, б. м., больше — чѣмъ когда нибудь раньше), когда захватили власть въ свои руки. Да, они никогда и не были не-предателями.

О предательствѣ большевиковъ мы напоминаемъ въ настоящей брошюрѣ цитатами изъ нашихъ статей, опубликованныхъ въ «Общемъ Дѣлѣ» еще въ Россіи до большевицкаго переворота.

Тогдашнее предательство большевиковъ было не только страшнымъ несчастьемъ для Россіи, но и въ то же самое время оно было и огромнымъ несчастьемъ для всего міра.

Благодаря русскимъ большевикамъ, нѣмцы въ 1917 г. смогли еще надолго затянуть войну, и это потребовало новыхъ миллионныхъ людскихъ жертвъ и повсюду принесло новыя народныя разоренія.

При нѣсколько болѣе благоприятно сложившихся обстоятельствахъ нѣмцы, пользуясь большевиками, могли бы добиться побѣды или, по крайней мѣрѣ, выйти изъ войны не побѣжденными. Тогда, конечно, въ результатѣ войны мы видѣли бы на долгіе годы европейскую реакцію.

Первый контактъ большевиковъ съ нѣмцами и первое ихъ предательство Россіи относится къ 1912 г.

Но и до этого времени большевики и Ленинъ прежде всего, какъ самый яркій выразитель ихъ, давно считались предателями въ своей с.-д. средѣ. Для партійныхъ цѣлей они жертвовали всѣмъ. Эта неразборчивость въ средствахъ борьбы у большевиковъ была всегда. Въ свое время Мартовъ, такъ хорошо и близко знавшій Ленина, говорилъ въ печати о немъ и вообще о

ленинцахъ, какъ о шантажистахъ, клеветникахъ и какъ о людяхъ аморальныхъ, не брезгующихъ никакими средствами.

Въ 1912 г. въ Парижъ изъ Австріи по порученію нѣмцевъ пріѣхали представители различныхъ польскихъ партій, сами въ то время уже договорившіеся съ австрійскимъ правительствомъ о совмѣстномъ выступленіи противъ Россіи во время ожидавшейся войны. Они предложили русскимъ революціонерамъ воспользоваться услугами австрійскаго правительства, дѣйствовавшаго въ данномъ случаѣ съ согласія нѣмецкаго Генеральнаго Штаба. Единственно кто изъ русскихъ революціонеровъ пошелъ навстрѣчу нѣмцамъ — были большевики — и прежде всего Ленинъ.

Ленину, по порученію нѣмцевъ, предложили переѣхать изъ Парижа въ Краковъ, поселиться на русско-австрійской границѣ и оттуда, пользуясь покровительствомъ австрійской власти, — готовить въ Россіи большевицкое движеніе на случай войны.

Ленинъ принялъ предложеніе нѣмцевъ. Лѣтомъ 1912 г. онъ переѣхалъ въ Австрію (въ Краковъ) и тамъ до самой войны съ помощью провокаторовъ, вроде Малиновскаго, сталъ изъ-за границы заниматься развитіемъ большевизма въ Россіи. Тамъ у него были засѣданія большевицкаго Ц. К., и оттуда разсылались имъ агенты и комиссары для пропаганды и для созданія большевицкихъ организацій.

Когда война была объявлена, нѣмцы сейчасъ же дали возможность Ленину, Зиновьеву, Бухарину, Третьякову и другимъ, для успѣшнаго развитія ихъ боль-

шевицкой пропаганды, выѣхать изъ Австріи въ Швейцарію.

Въ Швейцаріи Ленинъ широко вель все время войны свою пораженческую пропаганду. Оттуда же съ помощью нѣмцевъ онъ въ 1917 г. поѣхаль черезъ Германію въ Россію и здѣсь дѣлаеть все, чтобы разложить русскую армію. Изъ Россіи въ 1917 г. онъ дѣятельно поддерживаетъ свои сношенія съ нѣмцами черезъ своихъ товарищей, какъ Ганецкій, и отъ нихъ получаетъ денежную поддержку. Съ ихъ же помощью онъ подготавливаетъ свой октябрьскій переворотъ.

Какъ предатель Россіи, Ленинъ работаетъ съ нѣмцами и послѣ переворота. Въ мартѣ 1918 г., когда союзники продолжали еще войну, онъ заключаетъ съ нѣмцами Брестъ-Литовскій договоръ, принимаетъ въ Москвѣ ихъ посольство и въ Берлинъ посылаетъ своимъ посломъ Иоффе. Онъ, такимъ образомъ и въ то время оказалъ колоссальную услугу нѣмцамъ, и они, пользуясь поддержкой большевицкаго правительства, стали было въ половинѣ 1918 г. снова надѣяться на свою побѣду надъ союзниками. Но этому союзу большевиковъ и Ленина съ правительствомъ Вильгельма II въ ноябрѣ 1918 г. положила конецъ побѣда союзническихъ армій на Западномъ фронтѣ. Своихъ связей съ нѣмцами большевики, однако, не прекратили и позднѣе.

До своего октября 1917 г. большевики дошли постепенно, начиная съ 1912 г., путемъ предательства Россіи. Изъ ничтожной партіи, не имѣвшей въ Россіи никакого серьезнаго значенія, большевики еще до войны, благодаря помощи нѣмцевъ, приобрѣтали международное значеніе. Еще больше значенія они приобрѣли, благодаря тѣмъ же нѣмцамъ, во время

войны, въ особенности, когда они въ началѣ 1917 г. легализировались въ Россіи и къ нимъ изъ Германіи пріѣхалъ Ленинъ.

Въ день 20-тилѣтняго юбилея совершеннаго ими переворота, большевикамъ, во всякомъ случаѣ, можно хвастаться своими партійными успѣхами. Для организациі своей партіи имъ, дѣйствительно, удалось сдѣлать много. Въ этотъ день они, конечно, могутъ быть довольны своими успѣхами, но они все-таки должны признать, что послѣ ихъ хозяйничанья въ Россіи они теперь находятся у разбитаго корыта.

Ихъ планы перестройки страны на новыхъ социалистическихъ началахъ потерпѣли полный крахъ. Ихъ идеи въ приложеніи къ жизни въ конецъ обанкротились. Страна разорена. Разорены не только буржуазія и культурные классы, разорены и рабочіе. Объединили деревни. Въ современной русской жизни не только не воплощены принципы демократіи, лежащія въ основѣ и социализма и коммунизма, но исчезли даже и тѣ демократическія завоеванія, которыя были сдѣланы въ Россіи при Александрѣ III и Николаѣ II, при Плеве и Столыпинѣ. Россія живетъ въ условіяхъ политическаго рабства, небывалаго даже въ аракчеевскихъ военныхъ поселеніяхъ. Въ грязь втоптаны всѣ самыя элементарныя понятія свободы и права. Не существуетъ ничего, даже отдаленно напоминающаго и ту степень свободы печати, какая была при царской цензурѣ. Россія наканунѣ дальнѣйшаго разложенія и разоренія. Она потеряла свое бывшее международное значеніе.

Большевики поэтому не могутъ не признать, что

имъ собственно нечего праздновать въ этотъ роковой день русской исторіи, и они не могутъ отдѣлаться отъ сознанія того, что впереди у нихъ нѣтъ и не можетъ быть никакой надежды, чтобы, пока они существуютъ, страна смогла залечить раны, нанесенныя ей въ продолженіи послѣдняго 20-лѣтія.

Впереди у большевиковъ попрежнему остается одна только надежда: цѣною дальнѣйшаго разложенія страны насколько возможно дольше продолжить существованіе своей партіи и пользоваться свободой для дальнѣйшаго развитія ихъ пропаганды.

День 25 октября (7 ноября) для національной Россіи — будетъ всегда днемъ траура и днемъ тяжелыхъ и позорныхъ воспоминаній.

Въ Россіи некому вспомнить этого дня безъ самыхъ тяжелыхъ чувствъ.

Этотъ день будутъ вспоминать съ тяжелымъ чувствомъ и всѣ государственныя теченія, которыя вотъ уже 20 лѣтъ борятся съ большевиками и на борьбу съ ними принесли столько безчисленныхъ жертвъ и ради нея пережили столько нечеловѣческихъ страданій.

Одни, кто до революціи стояли у власти, будутъ вспоминать этотъ день съ тяжелымъ чувствомъ не потому только, что послѣ него они сами пережили такъ много тяжелаго, но и потому, что они — одни изъ виновниковъ торжества большевиковъ въ Россіи.

Въ ихъ распоряженіи было тогда все въ Россіи: правительственный аппаратъ, войско, финансы, дипломатія, многовѣковыя государственныя традиціи, — и тѣмъ не менѣе они сдѣлали все, чтобы большевики могли восторжествовать.

Къ торжеству большевиковъ въ 1917 г. они привели Россію своей политической близорукостью, своимъ классовымъ эгоизмомъ, своей негосударственностью. Въ критическій моментъ русской исторіи, какой тогда переживала Россія, они съ какимъ то легкомысліемъ вели страну къ гибели. Ихъ во время предостерегали, но эти самодовольные слѣпцы ничего не хотѣли видѣть и ни о чемъ не хотѣли слышать.

Имъ, навѣрное, тяжело вспомнить, и то, какъ многіе изъ нихъ во время большевицкаго переворота и въ слѣдующіе за нимъ дни изъ ненависти къ Временному Правительству помогали торжеству большевиковъ въ легкомысленной надеждѣ затѣмъ покончить съ большевиками въ любое время и тогда вернуть себѣ власть.

Съ тяжелымъ чувствомъ будутъ вспоминать день большевицкаго юбилея и представители нашей демократіи — прежде всего сторонники Временнаго Правительства 1917 г.

Февральская и мартовская революція 1917 г. была огромнымъ событіемъ въ русской исторіи. Она, казалось, давала Россіи драгоцѣннѣйшія завоеванія, о которыхъ русскіе люди мечтали десятилѣтія.

Демократы, пришедшіе тогда къ власти упустили счастливейшую возможность отъ имени демократіи написать прекраснѣйшія дальнѣйшія страницы въ русской исторіи.

Для нихъ не будетъ утѣшеніемъ то, что, несмотря на ихъ ошибки и на преступленія большевиковъ, изъ огромнѣйшихъ завоеваній февральской революціи въ русской исторіи, все таки, останется многое, что впо-

слѣдствіи сможетъ развиваться въ настоящую демократію.

Власть оказалась въ рукахъ республиканской демократіи — главнымъ образомъ у к.-д. и социалистовъ-не большевиковъ. Ихъ восторженно встрѣтило большинство представителей новой Россіи. У нихъ былъ еще не разрушенный весь государственный аппаратъ, были войска, дипломатическій корпусъ, судъ, финансы.

Но Временное Правительство не обнаруживало пониманія важности государственности и сознанія необходимости защищать ее всѣми средствами.

Большевиковъ, среди которыхъ скоро появился изъ-за границы Ленинъ, открыто призывавшихъ къ захвату власти свою партію, что они и выполнили скоро, они не разсматривали, какъ государственныхъ преступниковъ, и дали имъ полную свободу дѣйствій.

Въ борьбѣ съ анархіей и большевизмомъ, Временное Правительство не хотѣло опереться на всѣхъ, кто къ какой бы партіи ни принадлежалъ, но для кого дорога была Россія, кто былъ врагъ анархіи, кто стоялъ за свободу, за право, за народную волю, за Учредительное Собраніе. Оно боялось опасности только справа и закрывало глаза на то, что дѣлалось большевиками и тѣми, кто, не будучи самъ большевикомъ, считалъ ихъ своими товарищами и работалъ на нихъ. Большевикомъ поддерживало не только Временное Правительство, но и вообще демократическіе слои общества, демократы, — какъ напр., поддерживалъ Раковского Короленко.

Очень многіе изъ тогдашнихъ сторонниковъ Временнаго Правительства лишь только за нѣсколько дней или, можетъ быть, за нѣсколько часовъ до большевицкаго переворота устами Керенскаго въ Предпарламентѣ опредѣленно заявили, что Ленинъ — государ-

ственный преступникъ. Но и послѣ большевицкаго переворота, всѣ эти 20 лѣтъ они, все-таки, не ставили на первомъ планѣ борьбу съ большевиками, а, наоборотъ, оказывали имъ огромную помощь, когда вели борьбу съ Колчакомъ, Деникинымъ, Врангелемъ.

Но большевицкіе юбиляры, какіе бы они ни пускали фейерверки во время праздника ихъ октябрьскаго переворота и какія бы громкія слова не произносили, въ глазахъ всей небольшевицкой Россіи останутся прежде всего преступниками — предателями, провокаторами, палачами.

Такими преступниками большевики войдутъ и въ исторію.

Пріѣздъ Ленина и его товарищей въ Россію послѣ революціи былъ роковымъ событіемъ

3-го (16) апрѣля большевики ежегодно празднують день пріѣзда Ленина въ Россію въ 1917 г. во время войны черезъ Германію. Но празднуя его, они не могутъ не чувствовать необходимости о многомъ умалчивать и во многомъ оправдывать главнаго своего «героя» за этотъ его подвигъ.

Въ ихъ разказахъ, посвященныхъ пріѣзду Ленина въ Россію, говорится больше всего о восторгахъ петербургскихъ большевиковъ, встрѣчавшихъ его въ Петербургѣ, но умалчивается то, что вмѣстѣ съ петербургскими большевиками отъ пріѣзда Ленина въ большомъ восторгѣ были нѣмцы съ ихъ Генеральнымъ Штабомъ, и то, что тогда повсюду въ Россіи (конечно, кромѣ большевицкихъ круговъ) для Ленина и его товарищей не было другого названія, какъ п р е д а т е л и (*).

*) Ф. Платтенъ. «Ленинъ изъ эмиграціи въ Россію. Мартъ 1917 г.» Съ предисловіемъ Н. К. Крупской.

РУССКІЕ ПОРАЖЕНЦЫ ЗАГРАНИЦЕЙ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ

Къ началу 1917 г., наканунѣ русской революціи, въ Швейцаріи скопилось много русскихъ политическихъ эмигрантовъ-пораженцевъ. Они все время войны вели кампанію противъ союзниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ опредѣленно сочувствовали и помогали нѣмцамъ.

Когда въ Россіи произошла революція, въ февралѣ-мартѣ 1917 года, эти эмигранты стали стремиться пробраться въ Россію, но было совершенно очевидно, что союзныя страны не разрѣшатъ проѣхать черезъ свою территорію тѣмъ изъ нихъ, кто были пораженцами. Такимъ образомъ, они не могли изъ Швейцаріи проѣхать въ Россію ни черезъ Англію, ни черезъ Францію. У нихъ естественно, явилась мысль ѣхать въ Россію черезъ одну изъ воюющихъ съ союзниками странъ — прежде всего черезъ Германію — въ одну изъ нейтральныхъ странъ, какъ Швеція, а оттуда уже — въ Россію.

Трудно сказать, гдѣ и кѣмъ собственно впервые былъ поднятъ вопросъ о переѣздѣ русскихъ эмигрантовъ въ Швецію черезъ Германію: въ Швейцаріи ли среди самихъ эмигрантовъ, или въ Германіи — въ нѣмецкомъ Ген. Штабѣ. Можетъ быть, и тамъ, и тутъ послѣ русской революціи эта мысль явилась одновременно. Во всякомъ случаѣ, извѣстно, что въ Германіи вопросъ о переброскѣ русскихъ пораженцевъ въ Россію поднимался много разъ еще до революціи.

Совѣтская «послица» Коллантай въ своемъ дневникѣ, даетъ любопытный разсказъ о томъ, какъ сильно нѣмцы въ самомъ началѣ войны рассчитывали на помощь большевиковъ.

По ея словамъ нѣмцы прекрасно понимали, что рускіе революціонеры, оставаясь, во время войны въ Германіи, были для нихъ бесполезны и что, наоборотъ, они оказали бы имъ огромныя услуги, если бы, уѣхавъ въ Россію, и во время войны продолжали тамъ вести борьбу съ русскимъ правительствомъ и разлагали бы русскую армію своей пацифистской пропагандой. Они, по мнѣнію нѣмцевъ, были бы для нихъ очень полезны своей пропагандой, даже и въ томъ случаѣ, если бы, покинувши Германію, задержались гдѣ нибудь въ нейтральныхъ странахъ и оттуда вели бы свою пропаганду.

Поэтому, нѣмцы тотчасъ же послѣ объявленія войны рѣшили попытаться задержавшихся у нихъ русскихъ революціонеровъ переправить въ Россію. Первое предложеніе, сдѣланное русскимъ эмигрантамъ въ довольно цинической формѣ, было нѣкоторыми изъ нихъ встрѣчено съ протестами. Но затѣмъ, когда черезъ нѣсколько дней то же самое предложеніе нѣмцы повторили въ новой — болѣе замаскированной — формѣ, предложеніе ими было съ радостью принято.

Среди получившихъ при этихъ условіяхъ разрѣшеніе выѣхать изъ Германіи, еще въ августѣ 1914 года, были: Стекловъ-Нахамкесъ, Коллонтай, Ларинъ и многіе другіе, кто впоследствии, во время войны, дѣйствительно, оказали нѣмцамъ огромныя услуги своей пропагандой за границей и въ Россіи.

ПЕРЕГОВОРЫ НѢМЦЕВЪ СЪ РУССКИМИ ЭМИГРАНТАМИ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ

Послѣ февральской революціи 1917 г., прежде, чѣмъ русскіе эмигранты въ Швейцаріи разрѣшили для себя вопросъ, какъ имъ пробраться въ Россію, нѣмецкій Ген. Штабъ въ Берлинѣ, пользуясь указаціями своего агента Парвуса (Гельфанда), бывшаго русскаго эмигранта, с.-д., работавшаго съ большевиками, самъ сталъ строить планы, какъ бы поскорѣе отправить въ Россію возможно больше русскихъ пораженцевъ и сторонниковъ немедленнаго мира.

Первыми, кого они рѣшили переправить въ Россію, были, конечно, Ленинъ и его товарищи.

Циммервальдіецъ Платтенъ, перевозившій черезъ Германію Ленина, очень глухо, не называя имени и о многомъ умалчивая, въ своей брошюрѣ рассказываетъ со словъ Ленина, что сейчасъ же послѣ революціи въ Россіи изъ Берлина въ Швейцарію, по указанію Парвуса, былъ присланъ какой-то подозрительный субъектъ.

Въ Цюрихѣ онъ обратился черезъ посредниковъ къ Ленину и отъ имени нѣмецкаго правительства предложилъ ему добиться разрѣшенія немедленно устроить нѣкоторымъ виднымъ русскимъ эмигрантамъ переѣздъ изъ Швейцаріи въ Швецію черезъ Германію, откуда они могли бы уже свободно ѣхать въ Россію.

Ленинъ очень заинтересовался этимъ предложеніемъ нѣмцевъ, но оборвалъ переговоры, когда они начинали принимать оффиціальнй характеръ, и, минуя берлинскаго посланца, началъ вести переговоры съ нѣмецкимъ правительствомъ черезъ швейцарскихъ социалистовъ, самъ все время оставаясь въ тѣни.

Въ то же самое время Радекъ, какъ рассказываетъ

онъ самъ, обратился по собственной инициативѣ, черезъ корреспондента «Франкфуртеръ Цайтунгъ», къ нѣмецкому послу въ Бернѣ съ прямымъ и откровеннымъ вопросомъ: пропустить ли нѣмцы русскихъ эмигрантовъ изъ Швейцаріи проѣхать черезъ Германію, — и тотчасъ же получилъ завѣреніе, что нѣмцы это сдѣлаютъ очень охотно.

Но въ послѣднее время, когда у Ленина и Радека происходили эти тайнственные переговоры съ нѣмцами, всѣ вообще русскіе эмигранты въ Швейцаріи, которымъ, какъ пораженцамъ, нельзя было рассчитывать проѣхать въ Россію черезъ союзныя страны, строили разнообразныя, иногда фантастическіе планы поѣздки иными путями, на примѣръ, перелетѣтъ на аэропланахъ.

С.-д. меньшевики первые, — первые, по крайней мѣрѣ, открыто — по инициативѣ Мартова предложили, быть можетъ одинъ изъ самыхъ реальныхъ, но зато и самыхъ ужасныхъ плановъ переѣзда эмигрантовъ, русскихъ подданныхъ, изъ Швейцаріи въ Россію... черезъ Германію, когда она вела войну съ Россіей!

Въ Бернѣ образовался Комитетъ изъ представителей различныхъ эмигрантскихъ партій и онъ постановилъ черезъ депутатовъ Гос. Думы Чхеидзе и Керенскаго обратиться къ Временному Правительству съ требованіемъ устроить обмѣнъ ихъ на германскихъ и австрійскихъ военно-плѣнныхъ. Этотъ ихъ планъ для Россіи былъ прежде всего на руку нѣмцамъ, и вотъ почему.

При обмѣнѣ военно-плѣнныхъ Комитетъ предоставлялъ Временному Правительству требовать отъ нѣмцевъ пропуска въ Россію эмигрантовъ-пораженцевъ, прежде всего нужныхъ... тѣмъ же нѣмцамъ для усиленія въ

самой Россіи пропаганды сепаратнаго мира и для организаціи въ ней гражданской войны.

Меньшевики, такимъ образомъ, предлагали сдѣлать то, о чемъ только могли мечтать для себя нѣмцы и что въ то же самое время было бы (какъ на самомъ дѣлѣ потомъ и было) прямымъ ударомъ по Россіи и по ея арміи въ самый критическій моментъ войны, какову она вела.

Но планъ меньшевиковъ самъ по себѣ, однако, ничего еще не предрѣшалъ, потому что для своего осуществленія требовалъ предварительныхъ переговоровъ Временнаго Правительства съ нѣмцами, когда бы имъ могли быть приняты во вниманіе интересы Россіи.

СЕПАРАТНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ ЛЕНИНА СЪ НѢМЦАМИ.

Ленинъ рвалъ и металъ противъ меньшевиковъ за то, что они не хотѣли сами добиваться отъ нѣмцевъ пропуска, а предлагали это сдѣлать Временному Правительству, которое, какъ онъ полагалъ, никогда бы на это не пошло и только провело бы время. За это Ленинъ ругалъ меньшевиковъ тогда «мерзавцами перваго разряда».

Планъ самого Ленина сводился къ тому, чтобы эмигранты немедленно сами начали переговоры съ нѣмцами и сами еще въ Швейцаріи, безъ участія Временнаго Правительства, стали бы добиваться отъ нихъ разрѣшенія проѣхать черезъ Германію въ нейтральную страну, чтобы оттуда прямо ѣхать въ Россію.

Нѣмцамъ Ленинъ только въ будущемъ обѣщалъ

сдѣлать все отъ него зависящее для удовлетворенія обмѣна военно-плѣнными.

Нѣмцы охотно шли на переговоры съ Ленинымъ. Имъ, конечно, такъ нужно было поскорѣе перебросить русскихъ пораженцевъ въ Россію, что они для будущаго обмѣна своихъ военно-плѣнныхъ большихъ гарантій, чѣмъ словесныя завѣренія Ленина, и не требовали. Они, очевидно, готовы были даже и вовсе не настаивать на обмѣнѣ своихъ военно-плѣнныхъ, лишь бы только поскорѣе перебросить въ Россію Ленина и его товарищей для разложенія русской арміи и для подготовки въ Россіи государственнаго переворота во время войны, чтобы такимъ образомъ заставить ее отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ.

Нѣмцы хорошо знали Ленина, — знали и то, что въ продолженіе двухъ лѣтъ передъ войной онъ дѣлалъ противъ Россіи въ Австріи и потомъ, во время войны въ Швейцаріи (*), чтобы они могли колебаться, — и они тотчасъ же согласились на его просьбу.

«Нѣмцы, которые надѣялись, — говоритъ Радекъ въ своихъ воспоминаніяхъ — что мы, большевики, въ Россіи сыграемъ роль противниковъ войны, согласились на наши условія».

Ленинъ, съ своей стороны, прекрасно, конечно, зналъ, что такое представляетъ изъ себя Вильгельмъ II и его Ген. Штабъ, но онъ зналъ и то, что ихъ политика въ данное время ему на руку для его борьбы за социальную революцію въ Россіи.

Просьба, обращенная къ нѣмцамъ о пропускѣ че-

*) Объ этомъ см. наши статьи въ «За Свободу!» (Варшава, май и іюнь 1927 г.) : «Ленинъ подъ покровительствомъ Департамента Полиціи и нѣмцевъ».

резъ Германію въ Россію, сама по себѣ вовсе не казалась Ленину, какъ и всѣмъ вообще большевикамъ, политически недопустимой. Для него въ борьбѣ никогда ничего не было недопустимаго.

Ленинъ своимъ пріѣздомъ на русскую границу хотѣлъ поставить Временное Правительство передъ совершившимся фактомъ, когда ему пришлось бы рѣшить: пропустить большевиковъ безпрепятственно ѣхать дальше въ Россію или поддаться на провокацію — принять вызовъ по обвиненію въ запрещеніи нѣкоторымъ эмигрантамъ, его политическимъ противникамъ, вѣзда въ Россію послѣ революціи.

ПЕРЕГОВОРЫ ЭМИГРАНТСКАГО КОМИТЕТА СЪ ПЕТРОГРАДОМЪ О ПОѢЗДКѢ ЭМИГРАНТОВЪ ВЪ РОССІЮ

Русскій Эмигрантскій Комитетъ, образовавшійся въ Бернѣ, рѣшилъ обратиться къ нѣмцамъ черезъ швейцарскаго с. - д. умѣреннаго циммервальдійца, Гримма.

Гриммъ, какъ циммервальдіецъ, стоялъ, конечно, за миръ во что бы то ни стало и былъ ярымъ противникомъ всѣхъ союзниковъ. Его позиція въ этомъ вопросѣ была на руку нѣмцамъ, потому что въ это время они особенно нуждались въ прекращеніи войны: въ этомъ они видѣли свое спасеніе.

Когда, по порученію русскихъ эмигрантовъ, Гриммъ 19-го апрѣля 1917 г. поѣхалъ въ Петроградъ хлопотать объ обмѣнѣ нѣмецкихъ военноплѣнныхъ на русскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи, то онъ ѣхалъ, несомнѣнно, съ порученіемъ нѣмцевъ дать толчекъ

мирнымъ переговорамъ. По словамъ Платтена, Гриммъ еще въ Швейцаріи «впутался въ разговоры съ нѣмцами объ условіяхъ мира» и послѣ, перебравшись въ Петроградъ, «онъ сообщилъ «своему» правительству, о видахъ на миръ, что въ свою очередь, вѣроятно, передавалось нѣмцамъ».

Позиція Гримма особенно ярко обнаружилась, когда въ Петроградѣ была опубликована его тайная переписка съ швейцарскимъ министромъ Гофманомъ. Переписка была такова, что послѣ ея опубликованія Гриммъ, съ согласія такихъ русскихъ меньшевиковъ, какъ Церетели, раньше ручавшихся за него, былъ, по распоряженію Временнаго Правительства, немедленно высланъ изъ Петрограда.

19 марта (1917 г.) Гриммъ черезъ швейцарскаго министра Гофмана обратился къ его правительству за указаніями относительно переговоровъ съ нѣмцами о переѣздѣ русскихъ эмигрантовъ во время войны черезъ Германію, но оно дало ему понять, что не находитъ для себя, какъ нейтральнаго правительства, возможнымъ принять какое нибудь участіе въ переговорахъ съ нѣмцами.

Послѣ такого отвѣта швейцарскаго правительства, Гримму приходилось открыто обратиться съ его просьбой къ нѣмцамъ. Но на это ни онъ, ни русскій Центральный Комитетъ въ Бернѣ въ его цѣломъ не рѣшились, — и тогда, по инициативѣ меньшевиковъ, 5-го апрѣля была послана въ Петроградъ телеграмма Чхеидзе, предсѣдателю Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, министру Юстиціи Керенскому и Комитету Вѣры Фигнеръ, въ которой они предлагали «устроить» соглашеніе между Россіей и Германіей по образцу практиковавшихся уже во время войны обмѣна интернирован-

ными гражданами. Согласно этому, русскимъ эмигрантамъ, при условіи освобожденія извѣстнаго количества интернированныхъ въ Россіи нѣмцевъ, должна быть предоставлена возможность переѣзда въ Скандинавію черезъ Германію.

Телеграмма была подписана отъ имени Центральнаго Комитета эмигрантовъ Багоцкимъ, Балабановой, Юффе, Ф. Конъ, Семковскимъ, Устиновымъ, Ленинымъ. Одновременно это предложеніе было послано въ Петроградъ и предствителямъ различныхъ политическихъ партій за подписью Аксельрода, Абрамовича, Луначарскаго, Мартова, Мартынова, Натансона, Рязанова и др.

Большинство членовъ Комитета считало политической ошибкой обращаться къ нѣмцамъ, поскольку еще не была доказана невозможность полученія отъ Временнаго Правительства согласія на предложенный ими планъ.

Хотя телеграмма была послана собственно не Временному Правительству, но отъ него, за подписью Милюкова, былъ поручень слѣдующій отвѣтъ:

«Въ отвѣтъ на вашу телеграмму, адресованную Чхейдзе, Керенскому и Вѣрѣ Фигнеръ, касательно возвращенія эмигрантовъ черезъ Германію, считаемъ проѣздъ черезъ Германію въ обмѣнъ на нѣмецкихъ интернированныхъ гражданъ невозможнымъ. Мы телеграфно обратились въ Лондонъ и Парижъ съ просьбой пропустить всѣхъ эмигрантовъ безъ различія политическихъ взглядовъ и оказать всяческое содѣйствіе, дабы дать имъ возможность поскорѣе вернуться. Милюковъ».

Отвѣтъ заоздалъ. Въ это время одни изъ русскихъ

эмигрантовъ уже проѣхали черезъ Германію, другіе уже договаривались о своемъ проѣздѣ.

ПОѢЗДКА ЛЕНИНА ВЪ РОССІЮ ЧЕРЕЗЪ ГЕРМАНИЮ.

3-го апрѣля Платтенъ съ просьбой Ленина обратился непосредственно къ нѣмецкому послу въ Бернѣ фонъ Ромбергу.

Ромбергъ далъ Платтену аудіенцію и на ней много говорилъ о виновности союзниковъ въ войнѣ, о необходимости начать поскорѣе мирные переговоры и т. д. Изъ этого было ясно, чего онъ желалъ отъ ѣхавшихъ въ Россію русскихъ эмигрантовъ.

Просьбу Ленина Ромбергъ тотчасъ же послалъ въ Берлинъ и уже 6-го апрѣля ему сообщили оттуда о согласіи. Тамъ сразу поняли, насколько для нихъ важна поѣздка Ленина въ Россію.

Платтенъ отъ имени ленинскихъ товарищей въ Бернѣ тотчасъ же и подписалъ съ нѣмцами договоръ.

7-ой пунктъ этого договора гласилъ:

«Разрѣшеніе на проѣздъ дается на основѣ обмѣна уѣзжающихъ на нѣмецкихъ и австрійскихъ плѣнныхъ и интернированныхъ въ Россіи. Посредникъ и ѣдущіе обязуются агитировать въ Россіи, особенно среди рабочихъ, съ цѣлью проведенія этого обмѣна въ жизнь».

Послѣ отвѣта нѣмцевъ Ленинъ ни за чѣмъ больше не захотѣлъ обращаться къ швейцарскому правительству и не сталъ ожидать, какъ къ предложенію нѣмцевъ отнесутся другіе эмигранты: меньшевики, с.-р., анархисты, тоже желавшіе ѣхать въ Россію, и каковъ

будеть отвѣтъ на телеграмму, посланную въ Петроградъ 5-го апрѣля.

Онъ назначилъ срокъ отъѣзда — на 9 апрѣля — и открылъ записку желающихъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

9 апрѣля Ленинъ и еще 30 слишкомъ лицъ, по большей части большевики, въ числѣ которыхъ были: его жена Крупская, Зиновьевъ съ женой (Лилина), Радекъ (австрійскій подданный), Г. Я. Сокольниковъ, Арманъ, Ольга Равичъ, Линде, Харитоновъ и другіе, кто впоследствии играли видную и такую печальную роль въ большевицкомъ движеніи, ѣхали въ Шафгаузенъ — къ нѣмецкой границѣ.

На цюрихскомъ вокзалѣ при отъѣздѣ ленинцевъ ихъ провожали немногіе друзья и швейцарскіе с.-д., а собравшіеся русскіе меньшевики, с.-р., оборонцы, социаль-патріоты, независимые, провожали ихъ криками:

— «Германскіе агенты!» «Измѣнники!»

На нѣмецкой границѣ швейцарцы не имѣли основанія удерживать этихъ русскихъ путешественниковъ, а нѣмцы ихъ охотно приняли.

Нѣсколько дней вагонъ съ этими путешественниками, изъ-за усиленнаго передвиженія военныхъ нѣмецкихъ поѣздовъ, блуждалъ по Германіи, останавливаясь то въ Франкфуртѣ, то въ Берлинѣ. Въ концѣ концовъ, нѣмцы благополучно высадили ихъ въ нѣмецкомъ порту въ Засницѣ на пароходъ, шедшій изъ Германіи прямо въ Швецію.

Нѣмцы разрѣшили проѣхать черезъ свою территорию подданныхъ враждебной страны, конечно, потому, что не сомнѣвались, чего они могутъ отъ нихъ ждать. Но они знали прекрасно, что, кромѣ незначительнаго

большевицскаго теченія, въ Россіи всѣ съ негодова-
ніемъ встрѣтили извѣстіе о предполагавшейся поѣздкѣ
Ленина черезъ Германію. Телеграфъ тогда же передалъ
слова Милюкова, бывшаго въ то время министромъ
иностранныхъ дѣлъ, что пріѣзжающіе большевики съ
Ленинымъ будутъ преданы суду, какъ измѣнники.

ОТЪѢЗДЪ ВЪ РОССІЮ, ВСЛѢДЪ ЗА ЛЕНИНЫМЪ, ДРУГИХЪ ЭМИГРАНТОВЪ

Такимъ образомъ, большевики, съ Ленинымъ во
главѣ, уѣхали черезъ Германію въ Россію одни, а мень-
шевики, с.-р. и другіе эмигранты, какъ ни рвались
тогда ѣхать въ Россію, однако, не рѣшились восполь-
зоваться разрѣшеніемъ нѣмцевъ.

Они, конечно, понимали, что нѣмцы везутъ въ Рос-
сію Ленина единственно для того, чтобы онъ помогъ
имъ разложить русскую армію и разжечь въ Россіи
гражданскую войну, и что то, на чемъ договорился
Ленинъ съ нѣмцами, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ
называлось однимъ словомъ:

— П р е д а т е л ь с т в о .

И они отказались ѣхать вмѣстѣ съ Ленинымъ.

Но... Прошло нѣкоторое время, успѣхъ Ленина и
его триумфальный пріѣздъ въ Петроградъ соблазнили
нѣкоторыхъ изъ оставшихся въ Швейцаріи эмигран-
товъ. Придуманы были новыя объясненія и оправдан-
ія, и по ленинской дорогѣ, черезъ ту же Германію,
скоро поѣхали другіе русскіе пораженцы и провѣдники
сепаратнаго мира.

Въ этихъ новыхъ запломбированныхъ вагонахъ

были и бывшіе, и будущіе большевики, какъ Луначарскій, Рязановъ, колебавшіеся ѣхать съ Ленинымъ, были и меньшевики, какъ Мартовъ, Урицкій, были и с.-р. какъ Натансонъ, были и анархисты. Каждый по своему объяснялъ свою поѣздку черезъ Германію въ Россію.

Всего тогда проѣхало этимъ путемъ черезъ Германію до 500 человекъ.

Были ли въ этихъ новыхъ ковчегахъ «чистые», не вѣдавшіе, что творять, — трудно сказать, за то «нечистыхъ», разумѣется, было много, — вплоть до профессиональных военныхъ шпионовъ и до тѣхъ, кому нѣмцы выдавали на проѣздъ деньги. Но и тѣ среди нихъ, кто ѣхалъ въ Россію безъ ленинскихъ цѣлей, не могли не понимать, кто и для чего съ ними ѣдутъ въ однихъ вагонахъ, и кого прикрываютъ они, сами неучастные нѣмецкимъ планамъ.

Но, несомнѣнно, пріѣхавшіе изъ Германіи во второмъ и слѣдующихъ транспортахъ привезли съ собою прежде всего оправданіе Ленину, кого въ это время общественное мнѣніе въ Россіи открыто обвиняло, какъ предателя, за его переѣздъ черезъ Германію въ Россію во время войны съ согласія нѣмецкаго Генеральнаго Штаба, и поднятая агитація противъ Ленина и пріѣхавшихъ съ нимъ большевиковъ скоро ослабѣла именно потому, что обвинять его приходилось вмѣстѣ съ тѣми, кто сами прямо не были виновны въ переговорахъ съ нѣмцами, но кто одинаково съ нимъ воспользовались разрѣшеніемъ нѣмцевъ проѣхать въ данныхъ условіяхъ черезъ Германію.

Съ какими цѣлями вслѣдъ за Ленинымъ черезъ Германію ѣхали въ Россію тѣ, кого нѣмцы съ такой охотой пропустили во второй партіи черезъ свою терри-

торію, видно изъ офіціального заявленія предсѣдателя швейцарскаго эмигрантскаго комитета меньшевика Семковскаго, сдѣланнаго имъ передъ выѣздомъ изъ Швейцаріи:

«Я, Семковскій, заявляю:

«Мы, эмигранты, поставлены передъ альтернативой: либо мириться съ фактомъ, что амнистія для швейцарской эмиграціи — фикція, или же, вопреки заговору либеральной контръ-революціи въ Россіи, отстаивать наше священнѣйшее право — въ рѣшающій моментъ революціи быть въ революціонныхъ рядахъ и дѣйствовать въ Россіи въ духѣ Циммервальда.

«Нашъ долгъ — принять участіе въ борьбѣ за революцію въ качествѣ социалистовъ и интернаціоналистовъ».

Такимъ образомъ, они были недовольны союзниками, которые не хотѣли пропустить ихъ черезъ свою территорію для разложенія русской арміи и для пропаганды въ Россіи мира, нужнаго нѣмцамъ во что бы то ни стало, — и были очень довольны Временнымъ Правительствомъ, спокойно встрѣтившимъ ихъ послѣ проѣзда черезъ Германію.

ПРІѢЗДЪ ЛЕНИНА ВЪ ПЕТРОГРАДЪ.

Почти не останавливаясь въ Стокгольмѣ, Ленинъ немедленно поѣхалъ на финляндскую границу — въ Торнео.

Ленинъ зналъ, что во Временномъ Правительствѣ нѣкоторые изъ членовъ высказывались за немедленный его арестъ, но онъ зналъ и то, что другіе были противъ этого, и что во всякомъ случаѣ въ Совѣтѣ Рабочихъ и

Солдатскихъ Депутатовъ большинство, почти всѣ, потребуютъ для него свободнаго пропуска въ Россію. Онъ былъ увѣренъ, что Керенскій и Церетели не только безпрепятственно пустятъ его въ Россію, но и дадутъ ему потомъ полную возможность довести его дѣло до конца.

Ожиданія Ленина оправдались. Во Временномъ Правительствѣ не нашлось людей, которые настояли бы на его арестѣ, чтобы потребовать отъ него отвѣта на судѣ за переговоры съ врагомъ во время войны.

Изъ Торнео Ленинъ благополучно доѣхалъ до Бѣлоострова. Тамъ его торжественно встрѣтили Каменевъ и другіе его товарищи-большевики.

Въ Петроградѣ, на Финляндскомъ вокзалѣ, большевицкая толпа встрѣтила Ленина восторженными криками. Гремѣлъ Интернаціональ. Нашлись солдаты и матросы, которые устроили Ленину почетный карауль. Чхеидзе и другіе представители лѣвой демократіи привѣтствовали Ленина рѣчами, какъ товарища.

Еще на Финляндскомъ вокзалѣ, черезъ головы встрѣчавшихъ его демократовъ, Ленинъ обратился къ толпѣ съ призывомъ къ гражданской войнѣ, къ социальной революціи и къ самой рѣшительной борьбѣ съ Временнымъ Правительствомъ. Онъ тогда же, въ эти первыя минуты своего пріѣзда въ Россію, намѣтилъ все, къ чему потомъ стремился всѣ послѣдующіе 6-7 мѣсяцевъ, пока 25-го октября ему не удалось совершить государственный переворотъ.

Большевики, оставшіеся вѣрными завѣтамъ Ленина, могутъ и въ настоящее время праздновать 3 (16) апрѣля, какъ важную дату въ исторіи большевизма. И, дѣйствительно, безъ этого проклятаго дня, по всей вѣроятности, у большевиковъ не было бы ихъ октябрьской по-

бѣды, и Россія не пережила бы того, что она пережила въ послѣднія 20 лѣтъ.

Но для насъ день 3 (16) апрѣля 1917 года — черный день въ русской исторіи — день политической слѣпоты тѣхъ, кто въ то время былъ у власти въ Россіи.

КЪ ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ!

Въ 17 и 18 номерахъ «Общаго Дѣла» (отъ 14 и 16 октября 1917 г.), издававшася въ Петроградѣ, за нѣсколько дней до большевицкаго переворота были напечатаны два списка подъ заглавіемъ: «Къ позорному столбу!»

Въ предисловіи къ первому списку отъ редакціи было сказано:

«Въ настоящее время приближаются выборы въ Учредительное Собраніе. Поэтому мы, пока не поздно, считаемъ долгомъ опубликовать списки лицъ, проѣхавшихъ въ Россію въ германскихъ вагонахъ, дабы всѣ русскіе граждане, которые считаютъ этотъ поступокъ измѣной родинѣ, могли бы принять это обстоятельство во вниманіе, если бы кто либо изъ этихъ лицъ оказался внесеннымъ въ списокъ кандидатовъ въ Учредительное Собраніе.

Да и вообще давно пора, чтобы Россія знала имена «германскихъ путешественниковъ».

Списокъ первой партіи, съ Ленинымъ во главѣ, былъ помѣщенъ въ «Ленинскомъ сборникѣ», изданномъ въ 1920-хъ г.г. въ Петроградѣ, съ очень незначительными вариантами противъ нашего списка. Оба списка мы дали въ официальномъ текстѣ, въ какомъ они были присланы изъ-за границы Временному Правительству и переда-

ны намъ комисаромъ Врем. Правительства С. Г. Слатиковымъ.

Сколько намъ извѣстно, ни до, ни послѣ, другихъ списковъ лицъ, проѣхавшихъ черезъ Германію во время войны съ согласія нѣмецкаго правительства, никогда болѣе никѣмъ опубликовано не было.

Въ 18 номерѣ «Общаго Дѣла» по поводу печатавшихся списковъ была помѣщена наша статья «Наше несчастье и нашъ позоръ», которую мы ниже приводимъ почти цѣликомъ.

НАШЕ НЕСЧАСТІЕ И НАШЪ ПОЗОРЪ.

Мнѣ не разъ приходилось опубликовывать проскрипціонные листы съ именами отдѣльныхъ лицъ, или даже цѣлыхъ группъ. Дѣлалъ я это всегда съ тяжелымъ чувствомъ, — и понятно почему.

Опубликовывая каждое новое такое имя, приходилось и самому себѣ и своимъ читателямъ признаваться въ томъ, что то или иное лицо еще вчера было въ нашей средѣ и что вчера еще этотъ человѣкъ былъ нашимъ товарищемъ.

Но никогда мнѣ не было такъ тяжело опубликовывать подобные списки, какъ сегодня.

Когда читатель прочтетъ перечисленные мной въ сегодняшнемъ номерѣ «Общаго Дѣла» фамилии и приметъ во вниманіе серьезность вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, онъ пойметъ, почему мнѣ тяжело печатать этотъ списокъ, и почему читателямъ тяжело будетъ его читать.

Сегодняшній списокъ содержитъ въ себѣ 159 именъ. Это почти все безъ исключенія — революціонеры. Нѣ-

которые изъ нихъ съ очень громкими именами въ прошломъ, и въ данное время они играютъ въ русской жизни одну изъ главныхъ, видныхъ и отвѣтственныхъ ролей.

Во все время войны, до самой революціи, они, страха ради передъ Николаемъ II, сидѣли въ Женевѣ и Цюрихѣ и оттуда смѣло вели свою пораженческую кампанію. Послѣ революціи, когда имъ нечего было бояться вернуться въ революціонную Россію, они рѣшили осчастливить ее своимъ прибытіемъ.

Ѣхать въ Россію черезъ Францію и Англію было долго и по дорогѣ можно было встрѣтить подводныя лодки Вильгельма II, отъ которыхъ еще совсѣмъ недавно погибъ П. Карповичъ.

Ѣхать же въ Россію черезъ Германію было и близко, и скоро, и безопасно, и очень удобно!

Поэтому то, заграничные пораженцы рѣшили столковаться съ Вильгельмомъ II, и они припали къ стопамъ его величества съ покорнѣйшей просьбой: пропустить ихъ на родину... черезъ Германію!

Вильгельмъ II сдѣлалъ то, чего въ его положеніи никто, никогда, ни для кого не дѣлалъ: онъ черезъ свою территорію пропустилъ подданныхъ воюющей страны туда, гдѣ была, казалось, ихъ родина!

Проклятый Вильгельмъ II хорошо зналъ, что онъ дѣлалъ.

Какимъ мефистофельскимъ смѣхомъ смѣялся онъ со своимъ Гинденбургомъ, когда разрѣшалъ Ленину и К-о ѣхать черезъ Германію въ Россію! Въ какихъ радужныхъ краскахъ рисовалъ онъ себѣ тогда свои планы! Но теперь, спустя полгода послѣ того, какъ онъ

выполнилъ свой гениально-дерзкій планъ, снѣ не только, конечно, съ удовольствіемъ потираетъ себѣ руки, но не можетъ не признать, что дѣйствительность пре-
взошла всѣ его ожиданія.

Въ настоящее время петроградцы боятся, чтобы Вильгельмъ не прислалъ въ Петроградъ цеппелиновъ и чтобы эти цеппелины не стали бросать въ городъ бомбы съ удушливыми газами. Безъ улыбки я не могу выслушивать этихъ преувеличенныхъ опасеній. Но я вовсе не улыбался въ апрѣлѣ и маѣ этого года, когда узналъ, что изъ Швейцаріи въ Германію Вильгельмъ II цѣлыми вагонами транспортируетъ Лениныхъ, Луначарскихъ и Натансоновъ, Рязановыхъ и Зиновьевыхъ. Отъ этого извѣстія я тогда пришелъ въ ужасъ. Я чувствовалъ, что на Россію надвигается какое то огромное несчастье, размѣръ котораго мнѣ тогда еще не былъ ясенъ.

Но, разумѣется, мнѣ и въ голову не могло придти, что бомба, брошенная тогда въ Россію Вильгельмомъ, могла имѣть такое роковое значеніе, какъ это оказалось на самомъ дѣлѣ.

Что дѣлали въ Россіи за это время Ленинъ, Зиновьевъ, Луначарскій, Рязановъ, — это всѣ знаютъ.

Извѣстна ихъ связь съ событіями 3-4 іюля, ихъ роковая роль въ наиболѣе вредныхъ рѣшеніяхъ въ Совѣтахъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, ихъ участіе въ «Новой Жизни» и «Рабочемъ Пути».

ДЛЯ ЧЕГО НѢМЦЫ ПЕРЕБРОСИЛИ ЛЕНИНА ВЪ РОССІЮ ВЪ 1917 г. ?

Въ настоящее время всѣмъ понятно, для чего въ началѣ 1917 г. нѣмцамъ надо было во что бы то ни стало перебросить въ Россію русскихъ пораженцевъ съ Ленинымъ во главѣ. Впрочемъ, этого и тогда только слѣпые могли не видѣть.

Въ то время, по словамъ такого компетентнаго въ этомъ вопросѣ человѣка, какъ Платтенъ, для Гинденбурга и для Людендорфа всякое средство представлялось хорошимъ, лишь бы оно дало возможность перебросить нѣмецкую армію съ восточнаго фронта на западный.

Переброска 70 дивизій съ восточнаго фронта на западный, говоритъ Платтенъ, по расчетамъ Гинденбурга и Людендорфа, въ то время еще могла дать нѣмцамъ возможность повести «генеральный штурмъ на Парижъ» прежде, чѣмъ Америкѣ удастся сдѣлать невозможнымъ прорывъ западнаго фронта и, такимъ образомъ, нанести союзникамъ послѣдній, рѣшающій ударъ или, по крайней мѣрѣ, добиться сепаратнаго мира.

Выполнить этотъ планъ нѣмцы могли надѣяться только въ томъ случаѣ, если была бы парализована русская армія. Имъ, поэтому, нужно было во что бы то ни стало разложить ее. Этому они и надѣлялись добиться, перебросивъ въ Россію Ленина и его товарищей.

Отправить изъ Швейцаріи въ Россію русскихъ пораженцевъ, нѣмцы, стали надѣяться еще спасти себя, какъ ни тяжело было ихъ положеніе. Они еще на годъ

продолжили свою борьбу съ союзниками и погубили еще новые миллионы своихъ и чужихъ солдатъ.

Но, въ концѣ концовъ, имъ не помогъ и Ленинъ съ его большевицкой пропагандой, съ его захватомъ власти въ Россіи и даже съ его брестъ-литовскимъ миромъ.

Нѣмцы къ осени 1918 года, несмотря на оказанную имъ большевиками помощь, были, однако, вынуждены признать себя побѣжденными.

Или мы, или нѣмцы и тѣ, кто съ ними

Россія переживаетъ въ эти дни (лѣто 1917 г.) роковой моментъ своей исторіи. Передъ ней стоитъ вопросъ ея бытія и ея чести.

Всѣ политическія партіи, всѣ отдѣльные политическіе дѣятели и все сознательное населеніе страны должны рѣзко подѣлиться на два непримиримыхъ лагеря — для безпощадной войны другъ съ другомъ.

Одни — за бытіе Россіи, за ея честь. Другіе — за что угодно, но только не за ея бытіе и не за ея честь.

У этихъ двухъ политическихъ лагерей въ данный моментъ нѣтъ ничего общаго.

Они — не политическіе противники. Они — политическіе враги, и ихъ борьба не можетъ не быть безпощадной.

Ее нельзя откладывать на завтра, а необходимо развернуть ее во всю ширь именно сегодня.

Съ нами — громадное большинство населенія и всѣ здоровыя политическія партіи. Мы должны понять, что въ роковой моментъ исторіи нашей родины, какой мы переживаемъ теперь, всѣ отдѣльныя разногласія

между нами должны исчезнуть и мы должны ясно определить, кто нашъ врагъ.

* * *

Вотъ кто въ настоящее время является нашими общими врагами:

1) **Большевики**, ставящіе свои демагогическія цѣли выше интересовъ Россіи и идущіе къ нимъ всѣми путями, исповѣдуя принципъ: «цѣль оправдываетъ средства».

2) **Представители правыхъ партій**, кто еще не отказался отъ надежды спасти хотя бы частицу старой власти.

Они тоже идутъ къ своимъ цѣлямъ всѣми путями, исповѣдуя тотъ же принципъ: «цѣль оправдываетъ средства», — и прибѣгаютъ къ самымъ противоестественнымъ союзамъ и братаніямъ.

3) **Нѣмецкіе агенты и шпіоны**.

Они забрались въ самую глубь Россіи, въ самое ея сердце, проникли въ литературу, въ политическія партіи, въ народныя массы и хозяйничаютъ тамъ всюду, какъ у себя дома, въ Пруссіи. Для нихъ дорого спасти, во что бы то ни стало, ихъ преступное правительство. Имъ необходимъ разгромъ нашихъ союзниковъ. Имъ нужно униженіе Россіи и сохраненіе ихъ старой кабалы надъ ней.

Къ этимъ своимъ цѣлямъ они идутъ тоже всѣми путями, исповѣдуя тотъ же принципъ: «цѣль оправдываетъ средства», — а каковы ихъ средства, мы это видѣли на улицахъ Петрограда 3-го и 4-го іюля.

Нѣмцы всегда ставили своей задачей уничтожить, обезсилить, унижить Россію. Этой своей кайновой работой они занимались систематически цѣлыми годами

еще задолго до войны. Ею они усиленно занимались во время войны, но никогда раньше имъ не удавалось такъ широко и такъ успѣшно вести свой заговоръ противъ нашей родины, какъ это имъ удалось дѣлать не разъ въ дни нашей великой революціи.

Въ эти великіе дни Россія для дѣла свободы сдѣлала много такого, что навсегда останется крупнѣйшими завоеваніями въ исторіи всего человѣчества.

Но этой свободой сумѣли воспользоваться не только мы для дѣла служенія демократіи. Ею воспользовались и нѣмцы для своихъ цѣлей.

Всѣ ихъ усилія, однако, никогда не могли бы имѣть даже и приблизительно такого успѣха, который имъ удалось имѣть, напримѣръ, на этихъ дняхъ на улицахъ Петрограда, если бы они не имѣли возможности идти рука объ руку съ большевиками и съ представителями старого строя.

Когда большевики кричали: «Долой войну!» «Долой Временное Правительство!» «Долой союзниковъ!», когда они дезорганизовали наше войско, отравляли жизнь всего Петрограда, они только выполняли самыя горячія пожеланія Вильгельма II.

Въ эти дни на улицахъ Петрограда нѣмцы одержали побѣду, равную которой они до сихъ поръ рѣдко одерживали и на фронтѣ.

Но эта послѣдняя побѣда нѣмцевъ въ Петроградѣ будетъ, кажется, въ то же время и ихъ пирровой побѣдой.

Глаза правительства и глаза всего населенія раскрылись на ихъ преступную дѣятельность.

Ихъ союзники — большевики — понесли смертельное политическое и моральное поражение и больше имъ на ноги никогда не встать.

Ихъ никогда не перестануть проклинать за то, что они сдѣлали въ эти дни на улицахъ Петрограда.

* * *

Но теперь мы будемъ говорить не о нѣмцахъ: они — наши открытые враги и ничѣмъ другимъ быть не могутъ. Они и впредь по прежнему всегда будутъ стремиться отравлять русскую жизнь для того, чтобы отъ этого имъ въ Германіи было лучше жить.

Не будемъ сейчасъ говорить и о нашихъ реакціонерахъ. И они сами и ихъ принципы безповоротно осуждены русской революціей и русской исторіей. Сами по себѣ они теперь не имѣютъ болѣе никакой опоры въ странѣ и ихъ злоба бессильна. Они могутъ представлять собою опасность только тогда, когда будутъ опираться или на нѣмцевъ, или на большевиковъ.

Иное дѣло — большевики.

Это — наши бывшіе товарищи. Теперь они, пользуясь тѣмъ критическимъ положеніемъ, въ которомъ находится вся страна благодаря войнѣ, являются злѣйшими ея врагами и, ради успѣха своего доктринерства и своей личной демагогіи, рѣшили довести до конца свои задачи, хотя бы для этого и нужно было поставить на карту судьбу всей страны.

Что большевики до сихъ поръ всегда работали на радость нѣмцамъ, — мы это и раньше хорошо знали, а теперь, это понимаютъ уже всѣ.

Въ этой систематической помощи нѣмцамъ въ настоящей войнѣ мы обвиняемъ какъ партію большевиковъ въ ея цѣломъ, такъ и ихъ лидеровъ и всѣхъ тѣхъ, кто помогалъ имъ дѣлать дѣло разрушенія Россіи.

Вотъ нѣсколько именъ лицъ(*), кто въ эти мѣсяцы работаль надъ разложеніемъ Россіи:

1. Ленинъ,
2. Троцкій,
3. Каменевъ,
4. Зиновьевъ,
5. Коллонтай,
6. Стекловъ (Нахамкесь),
- 7, Рязановъ,
8. Козловскій,
9. Луначарскій,
10. Рошаль,
11. Раковскій,
12. М. Горькій (А. М. Пешковъ).

Намъ больно включить въ этотъ списокъ дорогое для всѣхъ насъ имя большого художника, о которомъ впослѣдствіи много будутъ говорить и на страницахъ исторіи политической борьбы за свободу Россіи. Но мы не можемъ забыть, что въ годы напряженной борьбы русскаго народа за его существованіе этотъ художникъ, человѣкъ, по существу почти чуждый активной политической борьбѣ, тѣмъ не менѣе, явился вохновителемъ пораженческой газеты «Новая Жизнь» и оказалъ такъ

*) Всѣ эти лица вскорѣ, въ октябрѣ 1917 г. приняли активное участіе въ большевицкомъ переворотѣ. Одинъ только Горькій, раньше оказавшій огромныя услуги большевикамъ, въ этомъ переворотѣ участія не принималъ. Но впослѣдствіи онъ снова примкнулъ къ нимъ, когда ихъ власть явно укрѣпилась.

Троцкій, Раковскій, Каменевъ, Зиновьевъ — официально объявлены самими большевиками — предателями (двое послѣднихъ разстрѣляны), Рязановъ — въ ссылкѣ, Нахамкесь, Козловскій, кажется, тоже были въ опалѣ.

много услугъ тѣмъ, кто рука объ руку съ нѣмцами работаль надъ униженіемъ и разореніемъ нашей родин .

* * *

Изъ показаній недавно застрѣлившагося Б. Долина, присланнаго нѣмецкимъ военнымъ атташе въ Бернъ фонъ-Бисмаркомъ въ Россію въ 1915-16 г. г. какъ для подготовки взрыва дредноута «Марія», поджога Архангельскаго порта, убійства мин. ин. дѣлъ Сазонова, взрыва мостовъ и военныхъ заводовъ, такъ и для пропаганды мира во что бы то ни стало, немедленнаго прекращенія войны, организаціи возстаній на мѣстахъ по всякаго рода поводамъ, — все это съ откровенною цѣлью развитія внутренней смуты и ослабленія военной помощи Россіи, — я убѣдился, что фонъ-Бисмаркъ, въ выполненіи этихъ своихъ замысловъ болѣе всего рассчитываль на содѣйствіе Ленина и его партіи, на ихъ борьбу со всякимъ правительствомъ въ Россіи, которое будетъ вмѣстѣ съ союзниками вести войну противъ Германіи, на ихъ разжиганіе классовой борьбы, на ихъ отрицаніе войны, на устройство возстаній, на разрушеніе всякой дисциплины въ войскахъ.

Предо мной лежать показанія другого такого же лица, какъ и Долинъ, русскаго офицера (Ермоленко), тоже присланнаго въ Россію, въ качествѣ нѣмецкаго агента, но уже во время революціи. Ему нѣмецкимъ Генеральнымъ штабомъ было поручено то же, что и Долину: возбужденіе народныхъ возстаній въ Россіи, организація поджоговъ, грабежей и внесеніе всякаго рода смуть. Ему дали указанія войти въ сношенія съ представителями большевицкаго и украинскаго движенія и дѣйствовать въ ихъ духѣ.

Товарищи, пріѣхавшіе изъ Швеціи, познакомили насъ съ сѣтью нѣмецкаго шпіонажа, существующаго въ Стокгольмѣ, Христіаніи, Копенгагенѣ и Гапарандѣ.

Оттуда сотнями посылаются въ Россію нѣмецкіе агенты и имъ поручаютъ: пропаганду мира во что бы то ни стало, возбужденіе возстаній, борьбу съ Временнымъ Правительствомъ, разжиганіе классовой борьбы и т. д. Для этихъ цѣлей ихъ осыпаютъ нѣмецкимъ золотомъ. Тѣмъ, кто ѣдетъ въ Россію, рекомендуется рука объ руку идти съ ленинцами, сливаясь съ ихъ организаціями, дѣйствуя въ ихъ духѣ.

Нѣмецкій Генеральный Штабъ, по словамъ его агентовъ, не видитъ для себя въ Россіи лучшихъ союзниковъ, какъ большевики.

Въ самой Германіи, съ самаго начала войны и даже ранѣе, — когда она только что подготавливалась, — нѣмецкое правительство создавало спеціальныя общества для борьбы съ русской арміей и русскимъ правительствомъ. Оно, между прочимъ, воспользовалось для этого услугами извѣстнаго ренегата, бывшаго русскаго социаль-демократа Парвуса. Вчерашній дѣятельный членъ русской соц.-демократической партіи, сегодня сталъ ревностнымъ исполнителемъ плановъ нѣмецкаго правительства и его Генеральнаго Штаба.

Свою дѣятельность Парвусъ распространилъ повсюду: въ Германіи, Австріи, Италіи, Болгаріи, Турціи. Какъ до, такъ и во время войны, онъ всюду тамъ находилъ для себя послушныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ, какъ напримѣръ: бывшаго члена 2-й Гос. Думы Зурабова, Перазича, Л. Троцкаго — всѣ трое въ настоящее время играютъ видную роль въ Сов. Р. и С. Д. въ Петроградѣ, — Коллантай, Козловскаго, извѣстнаго публициста болгарина Х. Раковскаго, нынѣ сотрудника

«Новой Жизни», проживающаго въ Петроградѣ, и многихъ другихъ.

* * *

Когда въ 1915 г. въ литературѣ было брошено обвиненіе противъ Парвуса, что—онъ провокаторъ, я отвѣтилъ:

Парвусъ — не провокаторъ, но онъ хуже провокатора : онъ — агентъ Вильгельма II.

Къ этимъ словамъ я и въ настоящее время не имѣю ничего добавить, и, когда ко мнѣ обращаются съ вопросомъ, не былъ ли провокаторомъ тотъ или иной изъ его сотрудниковъ, я отвѣчаю такъ же:

Они — не провокаторы, они — агенты Вильгельма II, исполнители его воли.

Здѣсь я скажу пока только два слова о Раковскомъ.

На этихъ дняхъ намъ было больно прочесть то, что о немъ написалъ, по явному недоразумѣнію, В. Г. Короленко, который для всѣхъ насъ является въ настоящее время совѣстью русскаго народа. В. Г. Короленко говорить о Раковскомъ, какъ о независимомъ писателѣ и другѣ дѣла русскаго народа.

Мы знаемъ, что за все время войны Раковскій всегда былъ близкимъ человѣкомъ Парвуса и еще въ 1914 г. вмѣстѣ съ нимъ и съ Зюдекумомъ ѣздилъ въ Италію для защиты политики Вильгельма II и болгарскаго Фердинанда противъ Россіи, Франціи и Англии. Его пропаганда въ Италіи въ пользу нѣмцевъ была такова, что итальянское правительство, еще не присоединившееся тогда къ союзникамъ, выслало его изъ Италіи. Затѣмъ онъ съ помощью нѣмцевъ, на ихъ средства, и,

конечно, для защиты ихъ интересовъ, издавалъ въ Румыніи свой журналъ «Лупта».

Мы не слышали, чтобы русская революція заставила Раковского оставить прежнюю его защиту нѣмецкихъ интересовъ, и думаемъ, что мы въ правѣ сказать, что онъ, выступая за послѣднее время въ Петроградѣ въ защиту большевиковъ, оставался вѣренъ тому, что проповѣдывалъ и что дѣлалъ и раньше въ связи съ нынѣшней войной.

Мы предоставляемъ право всѣмъ, — отъ Ленина до Раковского, — писать и проповѣдывать все, что имъ угодно, но подъ однимъ условіемъ: пусть они дѣйствуютъ безъ какихъ бы то ни было вуалей, а намъ предоставятъ право всѣ вещи называть собственными именами и, при оцѣнкѣ ихъ дѣятельности, дѣлать всѣ нужныя заключенія.

Дѣятельность перечисленныхъ нами лицъ отъ Ленина до Раковского была послѣднее время такова, что насъ отовсюду сотни разъ спрашивали, — не провокаторы ли они?

На эти вопросы мы можемъ отвѣтить слѣдующее: **Они — не провокаторы, но они, какъ и Парвусъ, хуже чѣмъ провокаторы, — они въ своей дѣятельности, всегда являлись, вольно или невольно, агентами Вильгельма II-го.**

Благодаря именно имъ: Ленину, Зиновьеву, Троцкому и т. д., въ эти проклятые, черные дни 3-4 іюля Вильгельмъ II достигъ всего, о чемъ только мечталъ: онъ сорвалъ нашъ военный заемъ, онъ въ сотни домовъ Петрограда внесъ трауръ, онъ остановилъ жизнь въ столицѣ и тѣмъ самымъ ударилъ по всей странѣ и по арміи.

За эти дни Ленинъ съ его товарищами обошлись намъ не меньше хорошей чумы или холеры.

Въ виду всего этого мы и можемъ сказать, что въ русской жизни нѣтъ въ настоящее время большаго зла и большей опасности, чѣмъ большевизмъ Ленина и его товарищей.

Народъ имѣетъ право требовать отъ правительства свободной республики исчерпающаго разслѣдованія о всей дѣятельности Ленина, и правительство обязано дать полное удовлетвореніе негодующему народу.

(«Будущее», № 3, июль 1917 г.)

Борьба съ большевиками. Ихъ защитники по недоразумѣнію

Свои обвиненія противъ большевиковъ я сформировалъ лѣтомъ 1917 г., между прочимъ, въ своей статьѣ: «Или мы, или нѣмцы и тѣ, кто съ ними», одновременно помѣщенной въ нѣкоторыхъ московскихъ и петроградскихъ газетахъ (*).

Съ этой статьей у меня связанъ цѣлый рядъ воспоминаній о той борьбѣ, какую я велъ въ то время противъ большевиковъ. По поводу нея мнѣ пришлось выслушать много горячихъ привѣтствій. Но она же вызвала противъ меня и очень рѣзкіе протесты.

Протестовали не одни большевики, но и многіе изъ тѣхъ, кто, хотя не имѣлъ ничего общаго съ большевиками, но для кого въ то время еще не было ясно, какую опасность представляли они и что они готовили для Россіи въ ближайшемъ же будущемъ.

Этой моей статьей возмутился, прежде всего, Горь-

*) Сколько помнится, статья цѣликомъ, кромѣ «Русской Воли», «Петербуржскаго Листка», московскаго «Утра» — была помѣщена еще въ нѣсколькихъ газетахъ въ одинъ и тотъ же день.

кій. Онъ мнѣ отвѣтилъ двумя письмами въ «Новой Жизни» въ духѣ Челкаша. Эти его письма я тогда же цѣликомъ перепечаталъ въ своемъ журналѣ «Будущее» (въ августѣ 1917 г.) и оцѣнилъ ихъ, какъ они того заслуживали.

Въ связи съ упоминаніемъ въ моей статьѣ о Горькомъ было одно шумное и характерное для того времени недоразумѣніе, о которомъ тогда же рассказалъ журналистъ Д. Брауль въ первомъ номерѣ «Общаго Дѣла» (28 сентября 1917 г.).

Выпуская ночью на 7-ое іюля газету «Народное Слово», Д. Брауль узналъ, что на слѣдующій день утромъ должно появиться въ петербургскихъ газетахъ «сенсационное разоблаченіе Бурцева относительно виднаго общественнаго работника». Рѣчь шла о моей статьѣ «Или мы, или нѣмцы и тѣ, кто съ ними».

«Обзвонивъ часть редакцій, — пишетъ Брауль, — я только въ «Русской Волѣ» узналъ, что въ газетѣ утромъ появится письмо Бурцева о роли большевиковъ и Максима Горькаго въ нашихъ военныхъ неудачахъ до и въ особенности послѣ революціи. Звоня даьше, я услышалъ изъ редакціи «Живое Слово», какъ свистъ хлыста по воздуху:

— Горькій — нѣмецкій шпіонъ!

Пользуясь знакомствомъ съ выпускающимъ въ эту ночь «Живое Слово», я указалъ, что въ остальныхъ редакціяхъ или нѣтъ ничего по этому поводу, или есть нѣчто значительно болѣе мягкое, но получилъ категорическое подтвержденіе, что это — фактъ, о которомъ больно говорить, но фактъ.

Поднявъ въ три часа ночи съ постели редактора своей газеты и получивъ инструкцію воздержаться даже отъ упоминанія о содержаніи и характерѣ имѣю-

щаго появиться въ газетахъ разоблаченія, я, послѣ выпуска своей газеты, зашелъ, по дорогѣ домой, въ «Живое Слово» и прочелъ на свѣжемъ листѣ съ машины, отпечатанныя жирнымъ шрифтомъ, слова:

«Писатель Максимъ Горькій, издающій и редактирующій газету «Новая Жизнь», изобличается въ причастности къ германской агентурѣ. Обвинителемъ Горькаго является В. Л. Бурцевъ».

«Я пытался довольно настойчиво получить свѣдѣнія, изъ безспорнаго ли источника получено такое ошеломляющее извѣстіе, но встрѣтился, опять-таки, съ тѣмъ же указаніемъ: «печально, но фактъ!». Ни на одну секунду не вѣря, однако, подобному сообщенію, подозревая, что здѣсь или злостная клевета, или недоразумѣніе, я предложилъ выпускающему «Живое Слово» В. М. Панебратцеву пройти вмѣстѣ въ «Русскую Волю» и провѣрить это ужасающее сообщеніе.

Черезъ 10 минутъ мы съ очевидностью убѣдились, что между письмомъ Бурцева и тѣмъ, что, со словъ какого то репортера или корректора, случайно зашедшаго изъ «Петроградскаго Листка», напечатано въ «Живомъ Словѣ» — громадная дистанція.

Панебратцевъ просилъ Уманскаго, редактора «Живого Слова», уничтожить отпечатанные экземпляры газеты и выйти въ свѣтъ съ «цензурной вырубкой», но редакторъ сказалъ ему:

«Понимаете, — я не могу выбрасывать изъ машины, когда уже отпечатано 16 тысячъ. И, кромѣ того, я не нахожу, что «Живое Слово» неправильно представляетъ дѣло».

Вскорѣ послѣ этого, изъ Парижа, отъ союза кор-

респондентовъ черезъ русское посольство въ Парижѣ и черезъ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію Муравьева въ Петроградѣ я получилъ запросъ, подтверждаю ли я то, что писалъ въ своей статьѣ о Горькомъ. Я тогда же телеграммой отвѣтилъ въ Парижѣ, тоже черезъ Муравьевскую Комиссію, что я подтверждаю въ моей статьѣ все отъ перваго до послѣдняго слова, въ томъ числѣ и то, что писалъ о Горькомъ. Эта телеграмма была въ свое время напечатана за границей во французскихъ газетахъ.

Мнѣ особенно памятенъ одинъ протестъ противъ этой моей статьи о большевикахъ, показывающій, какъ трудно было въ то смутное время вести борьбу съ большевиками, и какъ ихъ поддерживали тѣ, кто, очевидно, не могли съ ними имѣть ничего общаго.

Въ защиту Раковскаго, упомянутаго въ моей статьѣ, противъ меня выступилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» съ обширнымъ, горячо написаннымъ, письмомъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и популярныхъ русскихъ писателей — В. Г. Короленко.

Во время засѣданія Общественныхъ дѣятелей въ Москвѣ — въ августѣ 1917 года — мнѣ передали номеръ «Русскихъ Вѣдомостей», и я тамъ увидѣлъ открытое письмо ко мнѣ В. Г. Короленко. Оно произвело на меня ошеломляющее впечатлѣніе.

В. Г. Короленко не былъ мнѣ близкимъ человѣкомъ, но мы встрѣчались всегда дружественнымъ образомъ — съ поцѣлуями. Незадолго передъ этимъ я получилъ отъ него очень теплое письмо. Онъ просилъ меня помочь основать газету для солдатъ въ ярко-оборонческомъ

духъ. Письмо меня глубоко тронуло, потому что оно было написано съ безграничнымъ довѣріемъ ко мнѣ. Короленко писалъ мнѣ, что благодаря занятой мной позиціи послѣ пріѣзда изъ-за границы, въ началѣ войны, я, болѣе чѣмъ кто либо другой, могу быть полезнымъ въ этомъ большомъ дѣлѣ.

Я тутъ же, на собраніи, подошелъ къ одному изъ редакторовъ «Русскихъ Вѣдомостей» и хотѣлъ съ нимъ объясниться. Онъ понялъ, о чемъ я хочу съ нимъ говорить, и съ большимъ смущеніемъ самъ первый сказалъ мнѣ:

— Что дѣлать! Какъ же мы могли отказать Короленко въ помѣщеніи его письма!

Мнѣ было больно за «Русскія Вѣдомости». Я только сказалъ этому редактору, что редакція не должна была этого дѣлать именно ради Короленко, и во всякомъ случаѣ, разъ я въ Москвѣ, — а въ редакціи знали это: я былъ въ ней дня за два передъ этимъ, — могли бы предварительно переоговорить со мной. Я въ томъ же номерѣ отвѣтилъ бы В. Г. Короленко, и смягчилось бы впечатлѣніе отъ этого его письма.

Ошибка В. Г. Короленко была ясна для многихъ. Кромѣ горьковской пораженческой газеты «Новая Жизнь», работавшей на большевиковъ, не нашлось ни одной другой газеты, которая бы даже отмѣтила его письмо, а между тѣмъ всѣ его письма и статьи въ газетахъ всегда являлись крупными литературными событіями и обыкновенно перепечатывались почти цѣликомъ всѣми газетами.

Меня стали просить, чтобы я помягче отвѣчалъ Короленко.

Вскорѣ я сталъ издавать «Общее Дѣло» и въ 9-омъ

номерѣ, въ видѣ передовой, помѣстилъ статью: «Мой отвѣтъ В. Г. Короленко» (*).

Впослѣдствіи въ смѣновѣховскомъ «Наканунѣ» (1921-22 г. г.), издававшемся въ Берлинѣ, было опубликовано письмо В. Г. Короленко къ министру иностранныхъ дѣлъ М. И. Терещенко, относящееся какъ разъ къ тому времени, когда я велъ полемику съ Раковскимъ.

В. Г. Короленко, защищая румынскаго с.-д. Доброджана, арестованнаго въ Румыніи за большевицкую пропаганду, просить Терещенко похлопатать передъ румынскимъ правительствомъ объ его освобожденіи. Въ этомъ письмѣ В. Г. Короленко, между прочимъ, писалъ:

«Мнѣ извѣстно, что румынскія власти обвиняютъ нѣкоторыхъ вождей румынской социаль-демократіи въ томъ, что будто бы они дѣйствуютъ во вредъ Россіи и ея правительства въ качествѣ агентовъ Германіи. Обвиненіе это, по недоразумѣнію, поддерживалось и въ русской печати, В. Л. Бурцевымъ».

«Наканунѣ» привело эти слова В. Г. Короленко, для того, чтобы уколоть меня и въ полемикѣ со мной прикрыться именемъ В. Г. Короленко. Я, конечно, тогда же должнымъ образомъ отвѣтилъ на выходку «Накануне».

Въ своей статьѣ въ «Общемъ Дѣлѣ» я обвинялъ не А. Доброджана (*), о комъ я даже не упоминалъ, — а только Раковскаго. Я хорошо зналъ отца Доброджана, извѣстнаго румынскаго писателя, но едва ли даже былъ знакомъ съ его сыномъ. Раковскаго я обвинялъ въ томъ, что онъ дѣйствуетъ во вредъ Россіи и ея союзниковъ, какъ нѣмецкій агентъ и какъ русскій большевикъ,

*) Ниже привожу цѣликомъ эту мою статью.

работавшій съ Ленинымъ и его товарищами, которые въ то время были связаны съ нѣмецкимъ Генеральнымъ Штабомъ.

Надѣюсь, въ настоящее время мнѣ нѣтъ нужды кому нибудь доказывать, какъ тяжело ошибался В. Г. Короленко, когда онъ защищалъ Раковскаго и нападалъ на меня за него.

Въ послѣдніе годы своей жизни В. Г. Короленко — онъ умеръ въ 1922 году — жилъ на югѣ, гдѣ въ то время главнымъ представителемъ большевиковъ былъ Раковскій, и подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ дѣйствовала большевицкая Чѣка. Жилось Короленко въ эти годы очень тяжело, и онъ умеръ подъ впечатлѣніемъ тѣхъ ужасовъ, которые вокругъ него творились большевиками.

Лично самого Короленко большевики не трогали, но на его глазахъ, благодаря Чѣка, погибли самые близкіе для него люди, и онъ былъ свидѣтелемъ дикаго разгула краснаго террора.

Онъ часто пытался хлопотать о спасеніи разныхъ лицъ и со своими просьбами обращался къ виднымъ большевикамъ, между прочимъ, и къ Раковскому, но его хлопоты, по большей части, были напрасны.

Въ это время Короленко, конечно, лучше понималъ Раковскаго, чѣмъ въ 1917 г., когда такъ горячо его защищалъ, — и вообще лучше понималъ большевиковъ.

*) Сколько извѣстно, А. Доброджанъ въ тѣ годы былъ очень близокъ къ большевикамъ.

Мой отвѣтъ В. Г. Короленко

Мой отвѣтъ на открытое письмо ко мнѣ В. Г. Короленко въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (въ августѣ 1917 г.) является не по моей винѣ сильно запоздавшимъ.

Только теперь, на страницахъ «Общаго Дѣла», я впервые смогу на вопросы, которые ставятся мнѣ. отвѣчать такъ, какъ считаю это нужнымъ, и всякій разъ, когда сочту это нужнымъ.

Сегодня я возвращаюсь къ письму В. Г. Короленко, между прочимъ, и потому, что вчерашнія газеты, въ связи съ именемъ Отто Бауэра остановили вниманіе русскихъ читателей на темѣ, весьма близкой къ той, на которую отвѣчалъ мнѣ В. Г. Короленко.

До революціи извѣстный австрійскій соц.-демократъ Отто Бауэръ жилъ въ Россіи въ качествѣ военно-плѣннаго, подъ надзоромъ полиціи и на него смотрѣли, какъ на опаснаго въ военномъ отношеніи человѣка.

Республика моментально его освободила. Съ горячими привѣтствіями встрѣтилъ его Совѣтъ Р. С. Д., и Бауэръ принималъ участіе даже въ его закрытыхъ засѣданіяхъ.

Какъ къ товарищу, къ нему относилась та часть социалистической прессы, которая защищала Раков-

скаго, а также Гримма и Парвуса. Когда кто-нибудь указывалъ на Бауэра, какъ на врага Россіи, то въ этомъ видѣли контръ-революцію. Вскорѣ Отто Бауэръ былъ отпущенъ къ себѣ на родину съ пожеланіемъ ему всяческихъ успѣховъ. Нынѣ газеты сообщаютъ, что на родинѣ Бауэру правительствомъ поручено официально бороться съ Россіей во славу Вильгельма.

Какъ ни удивило меня письмо В. Г. Короленко своимъ содержаніемъ и формой, въ которую оно было облечено, какъ ни была ясна для меня ошибочность его позиціи, я тѣмъ не менѣе, тогда же имѣлъ въ виду ему отвѣтить.

Не безъ удовольствія тогда-же я убѣдился въ томъ, что одинаково со мной къ письму В. Г. Короленко отнеслись и многіе другіе, мнѣніемъ которыхъ мы оба одинаково имѣемъ право дорожить.

Газеты, такъ отзывчиво всегда относившіяся къ каждой строчкѣ, написанной В. Г. Короленко, прошли молчаніемъ это его письмо...

Это былъ первый отвѣтъ В. Г. Короленко на его письмо ко мнѣ.

Единственная газета, которая перепечатала письмо В. Г. Короленко и перепечатала его цѣликомъ, съ какимъ-то особеннымъ смакованіемъ, была горьковская «Новая Жизнь». Письмо В. Г. Короленко въ этой газетѣ было помѣщено почти одновременно съ однимъ наглымъ «Открытымъ письмомъ» ко мнѣ какого-то Дауге по одному кляузному, завѣдомо злостному, поводу (*).

*) Письмо было написано въ защиту профессора М. А. Рейснера.

Впослѣдствіи Рейснеръ работалъ у большевиковъ. Онъ писалъ въ ихъ защиту статьи и всячески старался ихъ обѣлечь.

Это былъ второй отвѣтъ В. Г. Короленко на его письмо ко мнѣ.

Защищая Раковскаго, В. Г. Короленко просить поставить его имя рядомъ съ именемъ Раковскаго и одинаково ихъ или обвинять, или защищать.

Разумѣется, этой просьбы В. Г. Короленко мы ни въ какомъ случаѣ выполнить не можемъ. Для насъ В. Г. Короленко есть В. Г. Короленко и таковымъ останется навсегда. Онъ можетъ совершить ту или иную ошибку, когда онъ говорить по поводу мало знакомыхъ для него вопросовъ, но отъ этого онъ никогда не будетъ походить на Раковскаго.

Для меня В. Г. Короленко и Раковскій, такъ сказать, — «двѣ большія разницы».

Когда я буду говорить о взглядахъ и дѣятельности Раковскаго, я всегда буду говорить объ этомъ безъ всякой ихъ связи со взглядами и дѣятельностью В. Г. Короленко, — и наоборотъ.

Въ своей статьѣ «Или мы, или нѣмцы и тѣ, кто съ ними», помѣщенной въ 3-мъ номерѣ «Будущаго», я говорилъ о Раковскомъ и рядѣ другихъ лицъ, какъ о политическихъ дѣятеляхъ, которые, по моему мнѣнію, занимаютъ крайне вредную позицію въ нынѣйшей войнѣ и являются вольными или невольными агентами Вильгельма II и выполняютъ его задания.

Утверждать это лично по отношенію къ Раковскому я имѣю много оснований.

Во время войны Раковскій жилъ въ Австріи, защищалъ австрійскую ориентацію въ противовѣсъ русской и имѣлъ дѣло съ Парвусомъ и его компаніей.

Появившись во время революціи въ Петроградѣ, онъ сдѣлался сотрудникомъ пораженческой газеты «Новая Жизнь», примкнулъ къ тѣмъ членамъ Совѣта

Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ, кто велъ пораженческую линію, поддерживали противъ моихъ обвиненій Гримма и О. Бауэра и все время являлись, по моему мнѣнію, одной изъ причинъ нашихъ несчастій на фронтѣ.

В. Г. Короленко жадеаетъ смотрѣть на выступленія Раковского въ литературѣ, въ Сов. Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, на митингахъ и т. д., какъ на дѣятельность исключительно идейную, и любитъ ея, какъ таковой, съ безпристрастіемъ литератора и историка даже тогда, когда онъ съ ней не согласенъ.

Для меня нынѣшняя дѣятельность Раковского и тѣхъ, подъ знаменемъ которыхъ онъ работаетъ, привела Россію къ Тарнополю, Ригѣ, братанію на фронтѣ, къ нѣмецкимъ десантамъ и т. д. Въ виду именно этого я рѣшительно отказываюсь въ настоящее время, подобно В. Г. Короленко, смотрѣть на Раковского и его дѣятельность съ безпристрастіемъ историка.

Можетъ быть, въ мирное время, въ словесныхъ дебатахъ и въ литературной полемикѣ я и самъ, подобно В. Г. Короленко, смогъ бы благодушно выслушивать все то, что теперь говорятъ наши пораженцы, но сейчасъ этого дѣлать я не могу.

Пораженчество Раковскихъ, которое они развиваютъ на страницахъ « **Новой Жизни** », приводитъ къ разгрому нашей арміи, къ гибели Россіи, т. е. къ тому, что такъ нужно для нѣмцевъ, для чего они платятъ безумныя суммы своимъ **вольнымъ**, сознательнымъ агентамъ, дѣйствующимъ въ Россіи, для того, чтобы они подбивали **невольныхъ** своихъ помощниковъ и союзниковъ къ этой же проклятой работѣ.

Вотъ изъ какой оцѣнки дѣятельности Раковского вышелъ мой протестъ противъ него и противъ многихъ

другихъ сознательныхъ и безсознательныхъ нѣмецкихъ агентовъ, льющихъ воду на нѣмецкія мельницы.

Кто изъ нихъ сознательно, кто безсознательно помогаетъ Вильгельму въ его планахъ, въ этомъ намъ въ настоящее время трудно разобраться, а иногда и нельзя. Но не въ этомъ главнымъ образомъ и заключается вопросъ о нашемъ отношеніи къ Раковскимъ.

В. Г. Короленко, подобно многимъ русскимъ общественнымъ дѣятелямъ, добродушно относится къ своимъ теоретическимъ разногласіямъ съ Раковскимъ и тѣмъ самымъ, по моему мнѣнію, жестоко относится къ вопросамъ о войнѣ.

Мнѣ хочется вѣрить, что въ моей оцѣнкѣ дѣятельности Раковскаго меня пойметъ и самъ В. Г. Короленко, если онъ будетъ имѣть въ виду сущность моего взгляда на его дѣятельность.

Вотъ на основаніи чего я рѣшаюсь высказать это.

Въ своемъ открытомъ письмѣ ко мнѣ В. Г. Короленко говоритъ:

— «Я — не кенталець, не циммервальдистъ, даже не интернаціоналистъ въ томъ узкомъ смыслѣ, какой нынѣ придается и этому слову. Защиту родины считаю важнѣйшей изъ ближайшихъ задачъ, а настроеніе, создаваемое такъ называемымъ «большевизмомъ» въ странѣ и на фронтѣ, могу сравнить развѣ съ прививкой горячечной бациллы къ ослабленному народному организму».

Предо мной лежитъ недавнее, не предназначенное для опубликованія, письмо В. Г. Короленко ко мнѣ, гдѣ онъ съ такой душой говоритъ о необходимости всѣмъ намъ позаботиться о томъ, чтобы наша армія была снабжена здоровой патріотической литературой, т. е. онъ

говорить о томъ, что такъ близко для насъ обоихъ и что такъ далеко для всѣхъ Раковскихъ.

Фактическія свѣдѣнія о Раковскомъ, а, можетъ быть, о Гриммѣ и о Бауэрѣ, у меня и В. Г. Короленко различны, а потому мы можемъ различно отнестись къ оцѣнкѣ того, что теперь нужно для нашей родины.

Мы одинаково страстно хотимъ для нея свободы, самостоятельности, полной побѣды въ этой войнѣ и ея избавленія отъ вѣкового нѣмецкаго плѣненія.

* * *

Внесу поправку къ письму В. Г. Короленко по поводу одного недоразумѣнія, для котораго я, впрочемъ, не подавалъ никакого повода.

В. Г. Короленко упрекаетъ меня въ томъ, что я отказываюсь принять вызовъ Раковскаго и судомъ разобрать мои обвиненія противъ него. Это совсѣмъ не такъ.

Въ 3-мъ номерѣ «Будущаго», я перепечатаваю свой отвѣтъ обратившимся ко мнѣ представителямъ Раковскаго. Въ этомъ заявленіи я самъ иду навстрѣчу къ Раковскому и предлагаю ему разобрать всѣ его возраженія: — или въ печати, или въ спеціальныхъ революціонныхъ комиссіяхъ, или въ гласномъ государственномъ судѣ. Я только отказываюсь принять его вызовъ на **третейскій судъ**, — и вотъ почему.

Раковскій, пріѣхавшій послѣ революціи въ Россію изъ заграницы, сколько мнѣ извѣстно, ни до, ни послѣ моей замѣтки не перемѣнилъ своего отношенія къ войнѣ, какое у него было раньше, и онъ остается при тѣхъ же взглядахъ, которые такъ близки для Гримма и О. Бауэра и такъ далеки для меня.

Для меня Раковскій — не литературный противникъ, съ которымъ у меня существуютъ теоретическія разногласія, а политическій врагъ, и наши спорные съ нимъ вопросы теперь рѣшаются не литераторами на страницахъ газетъ, а арміями на фронтѣ. Поэтому, по моему мнѣнію, было бы вообще гораздо лучше и спокойнѣе для насъ, русскихъ, если бы всѣ Раковскіе, а также Гриммы (*) и О. Бауэры, во время войны были внѣ Россіи — у себя въ Болгаріи и Румыніи, Швейцаріи и Австріи, а не въ Петроградѣ, не на засѣданіяхъ Совѣта Р. и С. Д. и не въ редакціи «**Новой Жизни**».

Такой взглядъ на Раковскаго и на другихъ, подобныхъ ему пораженцевъ, я высказалъ въ моей статьѣ, которую цитируетъ В. Г. Короленко, и изъ того, что я о немъ тогда написалъ, я ничего не беру назадъ и теперь.

При такомъ взглядѣ на Раковскаго я, конечно, никогда не позволю себѣ идти съ нимъ на третейскій судъ, какъ равный съ равнымъ, пока онъ будетъ въ противоположномъ для меня военномъ лагерѣ.

Согласившись участвовать въ третейскомъ судѣ съ Раковскимъ я тѣмъ самымъ далъ бы поводъ и для Гримма, О. Бауэра, Парвуса добиваться того же самаго у моихъ товарищей и у меня.

Но этого сдѣлать я не хочу и никогда этого не сдѣлаю.

*) Гриммъ, швейцарскій социалистъ, былъ лѣтомъ 1917 г. высланъ изъ Россіи за пропаганду въ пользу нѣмцевъ, а Бауэръ, австрійскій социалистъ, тогда же, какъ военно-плѣнный, былъ обмѣненъ на одного изъ русскихъ военно-плѣнныхъ и высланъ изъ Россіи. Вернувшись въ Австрію, онъ велъ открытую борьбу противъ союзниковъ и противъ Россіи.

По поводу вызововъ меня на третейскіе суды всѣми Раковскими и Зурабовыми (*), хотя бы они и продолжали назначать для моего отвѣта сроки въ 48 часовъ, я всегда неизмѣнно имъ буду отвѣчать словами Бѣлинскаго :

Я — жидъ и съ филистимлянами вмѣстѣ ѣсть не хочу!

(«Общее Дѣло», 5-го октября 1917 г.)

*) Зурабовъ — бывший членъ Государственной Думы. Потомъ онъ былъ эмигрантомъ. Я его обвинялъ, какъ участника «научнаго» института Парвуса въ Даніи, какъ агента нѣмецкаго Генеральнаго Штаба.

Проклятіе вамъ, большевики !

(Открытое письмо большевикамъ).

Съ этимъ письмомъ я обращаюсь къ вамъ, господа большевики, моимъ вчерашнимъ тюремщикамъ.

Раньше, до васъ, я знавалъ много другихъ тюремщиковъ, но никому изъ нихъ я никогда не писалъ ни закрытыхъ, ни открытыхъ писемъ. Прежніе мои тюремщики были явными врагами социализма и свободы, и держали меня годы въ тюрьмѣ именно за то, что я боролся съ ними за социализмъ и свободу.

Вы для меня — особенные тюремщики.

Вы держали меня въ тѣхъ же самыхъ тюрьмахъ, гдѣ раньше держало меня царское правительство, но вы не хотите, какъ оно, открыто фигурировать, предомной въ жандармскомъ мундирѣ. Арестовывая меня, держа въ тюрьмахъ, вы прикрываетесь дорогимъ для меня знаменемъ социализма и свободы.

Этого безъ протеста я оставить не могу.

Я — старый революціонеръ. Надѣюсь, я имѣю право сказать это.

При царскомъ режимѣ я многіе годы провелъ въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ и въ эмиграціи за свою борьбу съ нимъ во имя свободы и социализма. Я и сейчасъ продол-

жаю борьбу за тѣ же самыя идеи, съ той же вѣрой въ ихъ правоту и въ ихъ успѣхъ, съ какой я началъ вести ее юношей, 35 лѣтъ тому назадъ, когда я былъ въ первый разъ посаженъ жандармами Александра III въ тотъ самый Трубецкой равелинъ Петропавловской крѣпости, почти что въ ту же самую камеру, куда впоследствии и вы засадили меня.

Вы хорошо знаете, что я — старый, убѣжденный вашъ врагъ, и съ своей точки зрѣнія вы, быть можетъ, поступили очень практично, когда въ тотъ самый день, 25 октября 1917 г., когда вамъ удалось захватить власть въ Петроградѣ, вы арестовали меня первымъ и держали въ тюрьмѣ все время, пока могли.

Теперь, вырвавшись изъ вашей тюрьмы, я, за границей, на свободѣ, буду продолжать мою борьбу съ вами, какую я раньше велъ долгіе годы здѣсь же, въ эмиграціи, съ правительствомъ Николая II и его жандармами.

То, что вы прочтете ниже, не является исключительно только моимъ личнымъ мнѣніемъ о васъ. Все это я слышалъ отъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ я сидѣлъ въ вашей тюрьмѣ. Это же самое о васъ намъ говорили и находившіеся на волѣ наши товарищи, посѣщавшіе насъ въ тюрьмѣ. То же самое о васъ говорятъ теперь во всѣхъ уголкахъ Россіи. Это — голосъ народа!

Свое открытое письмо я посылаю не лично вамъ, а печатаю въ газетахъ и отдѣльными брошюрами и хочу, чтобы наше объясненіе произошло на глазахъ широкой публики, чтобы насъ слышали какъ тѣ, кто вынесъ на себѣ всю тяжесть вашей расправы, но кто не сошелъ совсѣмъ со сцены, подобно убитымъ вами Шингареву и Кокошкину, такъ и всѣ тѣ, кто любитъ Россію и болѣетъ душой по поводу того, что, по вашей ми-

лости, приходится переживать ей теперь. Я хочу, чтобы меня выслушали даже и тѣ, кто, подобно нѣмцамъ, радъ обрушившимся на Россію несчастіямъ и рассчитываетъ на ея развалинахъ построить свое благополучіе.

Обращаясь къ вамъ, я менѣ всего имѣю ввиду васъ лично.

Съ вами у насъ не можетъ быть никакихъ разговоровъ. Для насъ вы — не случайные преступники, а преступники сознательные, преступники, которымъ нѣтъ имени! Вы — измѣнники родины! Вы — ея предатели! Вы — лжецы! Вы — воры или укрыватели воровъ! Вы — убійцы или укрыватели убійцъ!

Еще вчера многіе изъ васъ были дѣятельными членами въ социалистическихъ партіяхъ и говорили отъ имени социализма. Вы, впрочемъ, даже и сегодня осмѣливаетесь говорить отъ имени социализма. Но для насъ вы — больше не социалисты. Теперь вы для насъ — только наши тюремщики, наши жандармы, наши цензора, наши убійцы!

Полюбуйтесь на то, что теперь дѣлается на нашей родинѣ, благодаря вамъ, повсюду покрытой трупами и повсюду облитой кровью!... И вы поймете, съ какимъ проклятіемъ мы произносимъ ваши имена!

Правду о васъ мои читатели отъ меня слышать не въ первый разъ. Эту правду о васъ многіе изъ нихъ слышали отъ меня уже давно по разнымъ поводамъ. Но эта правда, къ сожалѣнію, не могла до сихъ поръ войти въ общее сознаніе.

Для подавляющаго большинства обвиненія, предъявленныя мной вамъ, казались невѣроятными, почти

невозможными и въ лучшемъ случаѣ не доказанными. О васъ всѣ хотѣли думать лучше, чѣмъ вы были на самомъ дѣлѣ. Многимъ казалось, что все то, что годъ тому назадъ о васъ говорилъ я, и что многихъ тогда приводило въ такую ярость, не вѣрно и было продиктовано мнѣ лишь политической борьбой съ вами.

Когда годъ тому назадъ я съ протестомъ, съ негодованіемъ писалъ о первыхъ вашихъ шагахъ въ Россіи, — нѣмцы только что прислали васъ изъ Германіи въ Россію въ запломбированныхъ вагонахъ, — я зналъ, что я правъ. Но откровенно признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило, что на самомъ дѣлѣ вы безъ всякаго сравненія были еще болѣе преступны, чѣмъ это я тогда писалъ о васъ. Я очень жалѣю, что тогда не писалъ о васъ еще болѣе рѣзко.

Я и тогда зналъ, что вы предаете родину, но я не предполагалъ, что ваше предательство дойдетъ до того цинизма, до котораго оно дошло, когда въ октябрѣ 1917 г. вы захватили власть.

Я зналъ, что въ вашей средѣ есть лица аморальные, способныя на клевету, на воровство, на убійство, но я не могъ вообразить, чтобы вы были способны собрать вокругъ себя тотъ букетъ уголовныхъ типовъ, какой вы на самомъ дѣлѣ собрали у себя въ Смольномъ.

Говоря о себѣ, вашъ Ленинъ когда-то сказалъ, что онъ считаетъ возможнымъ на нѣмецкія деньги и съ нѣмецкой помощью дѣлать русскую революцію, а нѣмецкую революцію — на русскія деньги и съ русской помощью. Этими словами Ленинъ вѣрно охарактеризовалъ, что дѣлали во время этой войны для русской революціи большевики.

Ленинъ и Ко., напимѣрь, хорошо понимаютъ теперь, какъ хорошо, конечно, это понимали и раньше,

что нѣмецкій военный Генеральный Штабъ, во время войны, весной 1917 г., устроилъ русскимъ эмигрантамъ проѣздъ черезъ свою территорію въ Россію не изъ любви къ ленинскому коллективизму, а потому, что это входило въ планы самого нѣмецкаго Генеральнаго Штаба, потому что этимъ путемъ онъ рассчитывалъ тогда разложить русскую общественную жизнь и русскую армію и потому что это было выгодно для его борьбы съ нашими союзниками.

Во главѣ этихъ эмигрантовъ, пріѣхавшихъ въ запломбированныхъ вагонахъ черезъ Германію въ Россію, были Ленинъ, Луначарскій, Натансонъ. Зиновьевъ и еще 200-300 чел., — почти всѣ будущіе вожаки большевизма. Полный списокъ ихъ именъ съ комментаріями я далъ въ своихъ изданіяхъ еще до большевицкаго переворота. Они наивно утѣшали себя, что отъ ихъ тогдашней поѣздки въ Россію для Германіи будетъ меньше пользы, чѣмъ они сами извлекутъ для своей организаціи и для своего дѣла. Такая откровенно-циничная игра съ нѣмецкимъ Генеральнымъ Штабомъ у большевиковъ была на каждомъ шагѣ во время войны и велась ими изо дня въ день.

Во время войны Ленинъ и Ко находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ нѣмцами, живущими въ Германіи и Австріи, черезъ Гримовъ, Бауеровъ, Раковскихъ и другихъ. Ваши Ганецкіе цѣловались съ Парвусами. Изъ редакцій вашихъ большевицкихъ газетъ и изъ вашихъ генеральныхъ штабовъ стадами ѣздили въ Германію и возвращались обратно въ Россію ваши курьеры. Вы грудами получали корреспонденцію изъ Германіи, какъ это было доказано при обыскѣ редакціи петроградской «Правды» лѣтомъ 1917 г.

Съ точки зрѣнія нѣмцевъ, быть можетъ, все это

было и очень хорошо. Съ точки зрѣнія Ленина, вѣроятно, все это было и хорошо, и по большевицки, и по коллективистически.

Но есть и иная точка зрѣнія, на которой стоимъ мы.

Съ этой точки зрѣнія все это — **предательство**, такъ какъ за это наша армія расплачивалась кровью, а страна разореніемъ.

Послѣ своего пріѣзда изъ за границы въ заплombированныхъ вагонахъ вы, большевики, дѣлали въ Россіи то, за что во Франціи и въ Германіи, въ Англии и въ Австріи, въ Америкѣ и въ Турціи, въ Японіи, въ Италіи и Болгаріи предають военно-полевому суду и разстрѣливають.

То, что вы дѣлали въ Россіи въ 1917 г. до своего переворота, на что смотрѣлъ сквозь пальцы Керенскій, на всѣхъ языкахъ имѣетъ одно названіе: **предательство!**

Большевики, и въ лицѣ всѣхъ своихъ отвѣтственныхъ дѣятелей и какъ партія въ ея цѣломъ, во время войны были **предателями** въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова, — предателями сознательными, такъ какъ глупостью, неразуміемъ, незнаніемъ, непониманіемъ всего того, что они дѣлали, они оправдываться не могутъ.

Дѣлать свое кайновое дѣло чистыми руками вы, большевики, конечно, не могли. Къ вамъ не шли даже близкіе къ вамъ по политическимъ взглядамъ порядочные люди.

Ленинъ, Троцкій, Луначарскій и др. не разъ, публично, на большихъ собраніяхъ и въ печати, сами заяв-

ляли, что они окружены «жульемъ». Это «жулье» свило себѣ гнѣздо прежде всего въ Смольномъ, въ большевистскихъ судахъ, въ ихъ комиссіяхъ и комитетахъ.

Среди большевиковъ воръ сидитъ на ворѣ и воръ вора воромъ погоняетъ! Такого воровства, такого казнокрадства, вымогательства, грабежа, шантажа, какой былъ и царитъ и до сихъ поръ вокругъ Ленина и Троцкаго въ ихъ Смольномъ, въ ихъ судахъ, въ ихъ тюрьмахъ, въ ихъ арміяхъ, Россія не только никогда не знала, но едва дли кто могъ себѣ и представить, что оно вообще возможно при какомъ нибудь изъ самыхъ подлыхъ, грабительскихъ режимовъ.

Расхищены миллиарды денегъ, уничтожены разного рода огромные запасы, уничтожена торговля и промышленность...

Вспоминая время своего царствованія въ Россіи, ленинцы впослѣдствіи смогутъ сказать про себя: пожили, разжились! Изъ ихъ среды выйдетъ немало новоиспеченныхъ миллионеровъ...

Ленинъ какъ-то сказалъ, что на одного настоящего большевика приходится 60 дураковъ и 39 мошенниковъ.

По поводу такой ленинской статистики спорить не буду: 60-ли дураковъ и 39 мошенниковъ или, наоборотъ, 39 дураковъ и 60 мошенниковъ приходится на одного настоящего большевика, но мы будемъ настаивать на томъ, что среди негодяевъ, выступающихъ подъ флагомъ партіи большевиковъ, имѣются немало платныхъ нѣмецкихъ агентовъ, которые оказываютъ огромное вліяніе на всѣ дѣла большевиковъ.

Я никогда не забуду одну глубоко поразившую меня и неизгладимо врѣзавшуюся мнѣ въ память кар-

тину, помѣщенную во всѣхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ всѣхъ странъ.

Изображается обѣдъ въ Брестѣ. На столѣ стоятъ цвѣты и закуски. Съ одной стороны стола сидятъ Леопольдъ баварскій, ген. Гофманъ и Ко, а съ другой — ваши большевики: Трощай, Каменевъ, Юффе и Ко.

Леопольдъ смотритъ серьезно на Каменева, онъ внимателенъ, услужливъ и, повидимому, готовъ чистить ему сапоги, но, видно, что онъ дѣлаетъ свое дѣло.

Что переживали въ это время Каменевы, это можетъ нарисовать только большой художникъ. Каменевы, разумѣется, великолѣпно понимали, что этотъ Леопольдъ ничего общаго съ ними не имѣетъ, что онъ — не ихъ «товарищъ» и не коммунистъ, что онъ глубоко ихъ презираетъ, и въ душѣ не иначе называетъ ихъ, какъ «жиды паршивые». У Каменевыхъ чувство блаженства поэтому не могло не смѣшиваться съ сознаниемъ того, что они играютъ одну изъ презрѣннѣйшихъ ролей.

Тѣмъ не менѣе и Леопольдъ, и Гофманъ, и Каменевы продолжали сидѣть за столомъ и не проваливались сквозь землю... Ъли, пили и... не давились! Эти брестскіе авгуры смотрѣли другъ на друга и только старались не размѣяться. Обѣимъ сторонамъ было ясно, что за столомъ не столько фрукты ѣдятъ и цвѣтами любятъ, сколько происходитъ продажа Россіи, что тутъ сидятъ купцы и продавцы...

Теперь, когда мавры сдѣлали свое дѣло, мавры могутъ уйти и церемониться съ ними нечего. Теперь ваши большевики уже перестаютъ быть нужными нѣмецкому военному Генеральному Штабу, и какимъ явнымъ презрѣніемъ начинаютъ ихъ обливать эти самые Леопольды и Гофманы!...

Нигдѣ, ни одна партія не падала политически такъ низко, какъ пали ваши русскіе большевики, и это произошло не случайно. У большевиковъ и ихъ вожаковъ всегда были задатки, изъ которыхъ логически выросли ихъ преступленія.

Въ общественныхъ дѣлахъ для большевиковъ не существуетъ общечеловѣческой морали. Они знаютъ мораль только готтентотовскую: хорошо — то, что для меня хорошо, дурно — то, что для меня дурно. Для нихъ выше всего — ихъ партія — и даже не партія, а ихъ организація. Выше организаціи существуютъ только личные интересы и личные планы вожаковъ.

Пусть будетъ плохой миръ, пусть онъ будетъ величайшимъ несчастіемъ для Россіи, лишь бы только остались «хорошіе Совѣты!» У большевиковъ совѣсть — партійная, честь партійная. Въ внѣпартійныхъ дѣлахъ большевики люди вполне аморальные: они — люди безъ совѣсти, безъ чести, безъ признанія отвѣтственности за свои поступки. Они — люди безъ сердца. Для нихъ не существуетъ чужого горя. Право, справедливость для нихъ — пустыя слова.

Въ политикѣ большевики прежде всего — лжецы. На ихъ слова вы никогда не можете полагаться.

Они цѣлые мѣсяца являлись самыми горячими защитниками Учредительнаго Собранія. На его защитѣ была построена главнымъ образомъ вся ихъ борьба съ другими партіями, а потомъ они сразу отказались отъ Учредительнаго Собранія и разогнали его послѣ перваго засѣданія!

Они все время кричали противъ смертной казни, а потомъ сами ввели ее, какъ систему, освѣтили повсюду самосуды, — чуть не каждый декретъ ихъ кончается угрозой кого-то разстрѣлять!

Они всю Россію покрыли трупами.

Стояли за свободу печати, а явились такими цензорами и гонителями печати, какихъ никогда не видала Россія!

Были противъ тюремъ, а превратились въ страстныхъ любителей тюремъ и сами сдѣлались самыми жестокими тюремщиками, стали сотнями держать людей въ тюрьмахъ безъ суда и допроса!

Говорили о мирѣ, — дали войну, охватившую всю Россію!

Говорили о хлѣбѣ, — дали народу камень!

Говорили о тяжести налоговъ, а сами раззорили страну на миллиарды!

Громили тайную дипломатію, а въ своей дипломатіи ввели такую тайну, какой не зналъ и царизмъ! Мы, напримѣръ, до сихъ поръ не знаемъ толкомъ, что собственно происходило въ этомъ проклятомъ, роковымъ для насъ, Брестѣ.

Большевики говорили много противъ арміи, окончательно разрушили и ее, и флотъ, уничтожили и перебили офицерство, а теперь пытаются, правда, на словахъ, снова создать армію!

Словомъ, во всей дѣятельности большевиковъ — ложь! ложь! ложь! Сознательная ложь!

Отъ программы большевиковъ, отъ сущности всего того, чѣмъ они жили въ теоріи до сихъ поръ, даже отъ названія партій, теперь не осталось ничего...

Въ печати и на собраніяхъ, во всѣхъ сношеніяхъ съ другими партіями, вы, большевики, всегда только и дѣлали, что лгали, лгали и лгали!

Вы всегда оставались вѣрны только одному: путемъ демагогіи, грубой лести передъ толпой рабочихъ, солдатъ и матросовъ вы все время стремились во что бы

то ни стало удержать свою власть въ странѣ и сохранить свои «Совѣты».

Пока это вамъ, большевикамъ, удавалось дѣлать, правда страшной цѣной, — вы въ полгода развалили всю Россію и всю ее нарядили въ трауръ! Но вамъ, вѣдь, нѣтъ дѣла до этой цѣны!

Приходить, однако, часъ расплаты... Онъ близокъ!...

Мы потребуемъ отъ васъ отчета за все вами сдѣланное!

Разрушили Россію, залили ее кровью, продали ее, предали: Ленинъ, Троцкій, Луначарскій, Зиновьевъ, Каменевъ, Урицкій, Володарскій, Бончъ-Бруевичъ, Коллонтай, Дыбенко, Раскольниковъ, Нахамкисъ, Муравьевъ, Крыленко, Антоновъ, Покровскій, Залкиндъ, Юффе, Красиковъ, Радекъ, Гонецкій, Раковскій, Держинскій, Козловскій, Ржевскій, за-границей — Воровскій, Литвиновъ, — а надъ всѣми ими парить ихъ учитель, ихъ душа — Парвусъ, Парвусъ — константинопольскій, Парвусъ — копенгагенскій, Парвусъ — софійскій, Парвусъ — берлинскій.

Всѣхъ васъ, большевиковъ, мы будемъ обвинять поименно. При первой возможности мы потребуемъ къ суду всѣхъ васъ и на гласномъ судѣ вы должны будете дать отвѣтъ за всѣ свои дѣянія. Первая законная власть въ Россіи будетъ обязана основать Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію надъ вами. Этого отъ нея будетъ требовать весь народъ.

Но пока этого нельзя дѣлать въ Россіи, мы начнемъ это дѣлать здѣсь за границей, не дожидаясь паде-

нія большевиковъ въ Россіи и возможности организаціи тамъ суда надъ ними.

Скоро мы обратимся ко всѣмъ живущимъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, съ просьбой принять участіе въ слѣдствіи по выясненію преступленій большевиковъ и собрать нужный для этого матеріаль. Мы теперь же начнемъ разслѣдованія преступленій, вами совершенныхъ, и здѣсь, за границей, будемъ опубликовывать матеріалы въ ожиданіи возможности перенести это разслѣдованіе въ Россію, а когда эти разслѣдованія будутъ возможны въ Россіи, мы перешлемъ туда весь свой собранный матеріаль.

Россія страшно пострадала отъ васъ, большевиковъ, и вы не должны безнаказанно сойти со сцены. Со скамьи подсудимыхъ вы дадите отвѣтъ за все зло, причиненное вами родинѣ. Если кому-нибудь изъ васъ удастся во время бѣжать изъ Россіи, мы повсюду будемъ васъ преслѣдовать, куда бы вы не скрылись, и вездѣ мы спросимъ васъ:

— Каинъ, гдѣ твой братъ Авель?

Но у библейскаго Каина не было такъ тяжело на душѣ, какъ будетъ тяжело у тѣхъ изъ васъ, у кого есть душа, когда у васъ проснется стыдъ, совѣсть, и вы почувствуете въ себѣ силу оглянуться назадъ на все то, что вы натворили.

Память о вашихъ именахъ будетъ у насъ соединяться не иначе, какъ съ проклятіями! Отъ васъ отвернуться ваши дѣти, когда они узнаютъ о вашихъ дѣлахъ!

Вы — не специально русское несчастіе и русское зло. Вы — міровое несчастіе и міровое зло. Вами сдѣла-

ны ядовитые посѣвы и во Франціи, и въ Англии, и въ Италіи, и въ Америкѣ, и эти посѣвы дали уже плоды.

Сами бы вскормлены нѣмцами. Вы были имъ нужны нѣкоторое время, какъ орудіе для разложенія борющихся съ ними армій союзниковъ, но и они на васъ всегда смотрѣли и теперь смотрятъ, да и не могутъ не смотрѣть иначе, какъ на міровое несчастье и какъ на міровое зло.

Въ нашей великой революціи, освободившей Россію отъ царизма, вы сыграли роль тушинскихъ воровъ, погубивши великое дѣло.

Вы не только залили Россію кровью, — вы сдѣлали нѣчто гораздо болѣе худшее...

Вы осквернили вашимъ прикосновеніемъ великую нашу революцію! Вы дали поводъ для многихъ связать социализмъ съ понятіемъ лжи, воровства, убійства!...

Но мы докажемъ, что за ваше преступленіе отвѣтственность падаетъ не на социализмъ, не на мартовскую революцію, а лично на васъ, большевиковъ, на вашихъ вожаковъ, на Лениныхъ, Троцкихъ и Зиновьевыхъ, на ихъ вдохновителей Парвусовъ, на ихъ руководителей изъ нѣмецкаго Генеральнаго Штаба.

Мы ничего не будемъ говорить тѣмъ «настоящимъ» большевикамъ, которыхъ, по словамъ Ленина, приходится по одному на сто. Это — люди, дѣйствующіе съ открытыми глазами. Они прекрасно знаютъ, что творятъ. Ихъ нечего убѣждать, имъ нечего открывать глаза!

Мы не думаемъ обращаться и къ тѣмъ 39 мерзавцамъ, примазавшимся къ большевикамъ, о которыхъ говоритъ тотъ же Ленинъ. Они тоже дѣйствуютъ съ открытыми глазами и тоже прекрасно знаютъ, что творятъ,

и не подь вліяніемъ чьихъ либо убѣжденій они измѣнять свою политику. Для нихъ, гдѣ хорошо, тамъ — и отечество, а отечество хорошо до тѣхъ поръ, пока имъ хорошо!

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ только тѣмъ 60 ленинскимъ «дуракамъ», которые не вѣдаютъ, что творять.

Быть можетъ, результатъ ихъ хозяйничанія въ Россіи когда нибудь откроетъ имъ глаза и они увидятъ, къ чему они привели Россію и въ какую грязь они втоптали самый социализмъ.

Вотъ этимъ то господамъ, стоящимъ въ настоящее время въ Россіи у кормила правденія, мы и скажемъ нѣсколько словъ :

«Уйдите скорѣй! Уйдите возможно скорѣй отъ власти! Уйдите,— пока васъ «не ушли»! Для страны будетъ счастьемъ, если вы уйдете отъ власти хотя бы днемъ раньше... Избавьте Россію отъ себя ! Очистите мѣсто для представителей какихъ угодно партій, но только, чтобы это были люди, любящіе родину и желающіе ее спасти ! »

Мартовская революція въ 1917 г. была и всегда останется одной изъ лучшихъ страницъ русскаго освободительнаго движенія и социализмъ попрежнему будетъ нашей путеводной звѣздой въ нашей борьбѣ за свѣтлое будущее человѣчества.

Еще разъ: проклятіе вамъ, большевики !

Вл. Бурцевъ

Стокгольмъ, май 1918 г.

И Т О Г И

Ленинъ, Троцкій, Каменевъ, Зиновьевъ, Раковский, Антоновъ-Овсѣенко Коллонтай, Раскольниковъ, Крыленко, Радекъ, Дзержинскій, Парвусъ...

«Предатели родины». «Убийцы». «Кайны». «Палачи». «Проклятіе вамъ, большевики!»

(«Общее Дѣло». 1917-18 г. г.).

* * *

Троцкій, Каменевъ, Зиновьевъ, Пятаковъ, Бухаринъ, Рыковъ, Раковский, Ягода...

«Предатели родины». «Провокаторы». «Фашистскіе наймиты». «Бѣшеные фашистскіе псы». «Троцкистско-бухаринскіе бандиты». «Шайка предателей». «Ядовитые гады». «Шпіоны». «Подлѣйшіе изъ подлецовъ». «Гнусные подонки человѣчества». «Негодяи». «Продажные поджигатели войны». «Троцкистская сволочь». «Отравители». «Ничтожества». «Трижды презрѣнные враги народа». «Сторговались съ фашистами о продажѣ СССР, его расчлененіи о возстановленіи власти буржуевъ». «Раздавите гадину!» «Никакой пощады врагамъ!». «Смерть шпіонамъ-провокаторамъ!».

(«Извѣстія», «Правда» 1936—38 г.г.)

* * *

«О Ягодѣ разговоръ короткій. Ягода — главный организатор и вдохновитель чудовищныхъ преступленій. Если бы тѣ преступленія, которыя совершилъ Ягода и въ которыхъ онъ признался, если бы онъ свершилъ ихъ въ миллионной дозѣ, то и тогда я въ правѣ былъ бы требовать отъ суда разстрѣла Ягоды».

«Нѣтъ словъ, чтобы обрисовать чудовищность совершенныхъ подусудимыми преступленій. Да и нужно ли, спрашиваю я, еще какія нибудь для этого слова? Весь народъ теперь видитъ, что представляютъ собой эти чудовища. Пусть же вашъ приговоръ прогремитъ по всей нашей великой странѣ, какъ набаты!.. Пусть прогремитъ вашъ приговоръ, какъ освѣщающая гроза!... Требуется нашъ народъ одного: раздавить проклятую гадину». (*Прокуроръ Вышинскій*).

* * *

«Академія Наукъ СССР отъ лица всѣхъ научныхъ работниковъ требуетъ, чтобы къ потерявшимъ обликъ человѣчeskій преступникамъ была примѣнена высшая мѣра наказанія».

* * *

«Преступленія мои велики и чудовищны» (*Черновъ*).

«Я совершилъ тягчайшее преступленіе» (*Ягода*).

«Когда спрашиваешь себя: — если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдругъ съ поразительной ясностью абсолютно черная пустота» (*Бухаринъ*).

«Это не политическое теченіе, а безпринципная грязная банда убійць, шпионовъ, провокаторовъ и отравителей» (*Розенгольцъ*).

О Г Л А В Л Е Н І Е

О томъ же и о тѣхъ же черезъ 20 лѣтъ.....	3
2. Большевики прежде всего — предатели	8
3. Приѣздъ Ленина и его товарищей въ Россію послѣ революціи былъ роковымъ событіемъ	17
4. Или мы, или нѣмцы и тѣ, кто съ ними	39
5. Наша борьба съ большевиками. Ихъ защитники по недоразумѣнію	49
6. Мой отъѣтъ В. Г. Короленко	56
7. Проклятіе вамъ, большевики! (Открытое письмо большевикамъ)	64
8. Итоги.....	78

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ «ДОМЪ КНИГИ»

9, rue de l'Éperon Paris (6)

ИЗДАНИЯ В. Л. БУРЦЕВА :

	Долларь
« <i>Протоколы Сионскихъ Мудрецовъ</i> » — доказанный подлогъ. (Рачковскій сфабриковалъ «Протоколы сионскихъ мудрецовъ», а Гитлеръ придалъ имъ мировую славу». (Парижъ, 1938)	0.60
« <i>Борьба за свободную Россію</i> » (Мои воспоминанія) Т. 1-й (1882-1910 г. г.). Берлинъ 1924.	1.44
« <i>Какъ Пушкинъ хотѣлъ издать «Евгенія Онѣгина» и какъ издалъ</i> ». Парижъ 1934 г. (Распродано)	
« <i>За сто лѣтъ</i> ». Сборникъ. Лондонъ 1897	(Распродано)

Подъ редакціей В. Л. БУРЦЕВА вышли въ свѣтъ :

« <i>Былое</i> », 2 выпуска 1933 г. Парижъ	0.75
« <i>Былое</i> » (1907-1912 г. г.). Парижъ. Имѣется огранич. кол. экзempl. № 7, 8, 9-10, 11-12, 13 и 14, кажд. экзemplяръ	0.75
КРЫЛОВЪ, полн. собраніе соч. съ примѣч. Парижъ ..	0.60
ГРИБОѢДОВЪ — « <i>Горе отъ ума</i> ». Парижъ, 1919 г. ..	0.60
ПУШКИНЪ — «8-ая, 9-ая и 10 главы романа « <i>Евгеній Онѣгинъ</i> » (Изъ исторіи искалѣченного романа)	0.40
ПУШКИНЪ — « <i>Письма</i> ». Парижъ 1937	0.50
« <i>Общее Дѣло</i> » (имѣется только нѣсколько комплектовъ №№ 1-11	1.50
— отдѣльные номера 1-10 по	0.15
— (за 1930 гг.) №№ 1-11 (имѣется только нѣсколько комплектовъ	1.50
« <i>La Cause Commune</i> » — №№ 1-6 (имѣется только нѣсколько комплектовъ).....	1.50
— отдѣльные номера по	0.15

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ :

В. Л. БУРЦЕВЪ — «*Мои воспоминанія*», т. 2-й.

**СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ
ДОМЪ КНИГИ**

MAISON DU LIVRE ÉTRANGER
9, rue de l'Éperon — Paris 6^e